

Лесная ведунья

Автор:

Елена Звёздная

Лесная ведунья

Елена Звездная

Ведьмак во врагах – это мелочи. Чародей объявившийся внезапно – тоже не проблема. Да и заговор ведьм с магами вполне себе можно пережить, особенно если очень жить хочется. Неунывающая юная ведьмочка Веся, верный друг леший, Мудрый ворон, кот Ученый, дуб Знаний и самая размножительно-ориентированная Заповедная чаща в мире готовы к любым невзгодам и трудностям. И вообще, кто к ним с проблемой придет, тот сам нарвался. Коронавирусу посвящается (в смысле книга была написана во времена COVID-19 для повышения иммунитета и хорошего настроения).

Лесная ведунья

Ловушку я ощутила сразу. Едва ступив на порог своей лесной избушки. Остановилась, прислушиваясь к шелесту листвы, к шепоту ветра, к лестной нечисти, собиравшейся явно потешиться, к животине – тоже не собирающейся отказывать себе в удовольствии развлечься, и к охотничкам. Горе охотничкам.

«За третьим поворотом от могучего дуба яму вырыли»... – шептал мне ветер.

«Яда нету, одни сонные зелья», – добавил грибовик, высунувшись из-под пня.

«Скоррррее уже!» – возмущались сороки.

– Ты нос забыла, – меланхолично зевнув, сообщил мне кот.

Как забыла?

Подняв руку, прикоснулась к лицу и поняла что таки да – забыла. Пришлось возвращаться, а это очень плохая примета.

Вошла в избушку, подошла к зеркалу и обнаружила нос, свалившимся в пудру мшисто-зеленого цвета. Как позабыла – ума не приложу. Нацепила страшный крючковатый нос на место, лицо обильно зеленой пудрой припудрила, на руках перчатки в виде крючковатых пальцев с когтями поправила, на голове радовал мой лично взор зеленый косматый парик, поверх него шла остроконечная черная поганками покрытая шляпа.

Да, вид в целом был неприглядный, но кто им виноват, что он ненормальных законов понавыпустят, а нам потом с этим живи!

Поверх обычного грязного плаща, на всякий случай вконец страшный натянула. Я на него мухоморы и плесень лично крепила и магией зашивала, по плечам вообще здорово получилось – седой такой мох, с пауками. Не часто его одеваю, но мало ли, что-то во всей этой нарочитости незваных гостей настораживало.

И подхватив клюку, я зашагала легко и весело навстречу неприятностям – ждуть ведь, как же не прийти.

Но по мере того, как приближалась – шаг мой становился все тяжелее, горб на спине все больше, ногу начала подворачивать, на клюку с кряхтением опираться. Нет, раньше мы так не ходили, да ни в жизнь, но с новыми-то законами.

– Кхе-кхе, – начала я, едва приблизилась к третьему повороту от могучего дуба. – Ой, чую духом человечьим пахнет... – скривилась и гораздо тише добавила: – Можно было и без вина перед походом обойтись, перегаром теперь на весь лес несет.

Но кому я жалуясь? Мужиков тоже понять можно – кому же хочется на карге лесной жениться?! Вот и напиваются до беспамятства, это если неопытные – а те, кто с нами уже встречался, те в курсе – чтобы на лесную деву позариться, столько вина во всем королевстве не найти.

– Эээ...– раздалось в кустах от явно прозревших и протрезвевших.

– Пппапа, – проблеял кто-то.

Коварно усмехнувшись, я носом потянула воздух, а нос у меня был ого-го – пятый по счету, самый здоровенный в моей коллекции, почти в локоть длинной.

– Ой, чую, мужчиной запахло! А давно у меня мужика-то не было...

В кустах кто-то дернулся и задал стрекоча.

Прикрыв глаза, ударила клюкой оземь, да в птицу вспорхнувшую перенеслась на миг, глазами ее взглянула – улепетывал сын барона Коварда. Первый парень на деревне... тьфу ты в городе. Плечистый, румяный, волосы, что пшеница спелая, глаза как васильки луговые, девки от вида его сами падали, да только... наследником Осол не был, был сыном младшим, а соответственно наследства лишенным, а потому светила ему служба в армии королевской, либо «А те кто дев лесных в жены возьмет, от военной службы освобождаются». Ну вот в итоге мы и наряжаемся так, что опосля нас мужикам уже и черт не страшен – зуб даю, накладной который, что уже поутру баронов сын сам в армию сбежит.

– М-да, – раздалось в тех же кустах озадаченное от барона, – у меня теща и то симпатичнее будет.

– Моя в сравнении с этим вообще красotka, – с видом знатока заявил его верный оруженосец, он же и глава дворцовой стражи.

Приятно, когда твои старания так высоко оценили, просто у барона теща ведьма. Как есть ведьма, и нос у нее, в отличие от моего, вовсе не накладной.

Постояла, улыбаясь, да снова клюкой оземь стукнула.

От удара моего схлопнулась ловушка, сгорели травы охотниками запасенные, да к моменту, когда пламя гудеть перестало, уже неслись прочь «охотнички» мчась во весь опор, но баронского сына все равно не обогнали – быстро бегают парень, этот даже в пехоте не пропадет.

Постояла, с улыбкой посмотрела вслед убегающим, да тут же ощутила – по самой кромке моего леса заповедного обоз идет. Идет крадучись, одной ногой по траве заповедной, одной по границе человеческих земель шагают, покоя леса не нарушают, веток не ломают, оленя, на тропу вышедшего не тронули... контрабандисты значит.

Коснулась дерева ближайшего, открывая заповедные тропы, да и пошла напрямик к гостям незванным, но осторожным и к моему появлению явно готовым.

Обоз вел Савран, сын Горда-кузнеца, он знал и меня и как вести себя знал тоже, а потому едва я шагнула на тропу перед обозом, тут же подал сигнал всем остановиться, стражам луки опустить, мечникам оружие в траву кинуть, пленникам не двигаться.

– Здравствуй, госпожа Ведунья Лесная, – протараторил, ссыпая на траву кошель с золотом, да помимо них кинжал костяной, зеркало ручное в серебро закованное, россыпь жемчуга морского – дорого откупался, ой и дорого.

Странно это.

– И тебе здравствовать, Савран сын Горда-кузнеца, – произнесла низким голосом, вглядываясь в клеть с невольниками.

Хотя как сказать «невольники» – тут практически все и всегда по своей воле на услужение шли. От леса моего заповедного, через море Кипенное лежали земли жен суровых, что и нож и меч держали уверенно, да мужчины их не меньшей суровостью отличались, и о покорности речи среди них не шло. Потому и возил Савран живой товар туда, где платили за него высокую цену, где юноша

становился мужчиной мягким да покладистым, где жил в роскоши, не трудясь от зари до зари на пашне или у горна, да и в армию идти уже не надо было.

И казалось выгода всем и во всем, да только новый королевский указ... Впрочем и короля понять можно – такие как Савран отбирали лучших, молодых, здоровых, крепких, что и в нашем королевстве требовались как воздух, особенно в виду военных амбиций короля.

– Все по воле своей, госпожа Ведунья, – сказал Савран, да голос его дрогнул.

Лжет, стало быть.

– По своей воле, говоришь?

Переспросила я, да и шагнула к обозу. Странно, за последние пять месяцев первый обоз, что до моего леса дошел, так то их обычно на пол пути разворачивали, с чего тогда этих не тронули, а?

– По своей! – воскликнул, подскакивая Савран.

Да поздно было, заподозрила уже ведьма неладное.

– По своей! – переспросила мерзко подхихикивая.

И саму от мерзости голоса передернула – хороший у меня амулет для искажения голоса, самое то для образа мерзкой заленомордой старушенции с премиальным носом, но от смешка даже мне порой страшно.

Горбясь, больше для порядку и образу, меньше за счет того, что так видно было лучше, прошла вдоль обозов с тканями да украшениями, дошла до клетки с вьюношами, да и начала просматривать каждого в отдельности. Хороши молодцы – статны, высоки, плечисты, на меня смотрят с любопытством и настороженно, но мысли у всех светлые – о будущем в достатке, о женщине, что на себя заботы возьмет, а в Замории женщины красотой славятся, о том, что за каждого Савран хорошие деньги семье оставил, он честен в этом плане, и не придется теперь на войну идти, на погибель... Да только, от чего ж вас, молодцы, до самой границы-то допустили? Странно это. Ох и странно. Савран

хитер, троп много знает, но даже для него это слишком большая удача, чтобы быть просто случайностью.

А потом я увидела его.

Впрочем нет, его не сразу – сначала тень, клубящуюся тень несправедливости, что нависала над ним будто туча, что отравляла его, словно яд, что порвала его душу давно и безвозвратно. Несправедливость была жуткая, даже дышать стало трудно. Несправедливость – была приговором его. А мужчина... Самый страшный из всех. Худой, в шрамах, и даже взгляд на меня не поднял, словно в целом утратил и намек на любопытство. Как труп, только жив еще был, да вряд ли его это радовало. И сдается мне – наложил бы он на себя руки, да только в отличие от остальных – ошейник на нем уже был, стало быть и амулет подчинения имелся.

– Пропусти нас, госпожа Лесная Ведунья, – взмолился подошедший Савран, – корабль ждет, да и юношей от участи страшной спасаю, ведаете ведь.

Ведаю, да. Много ведаю. Ведаю даже то, что не следовало – за мужчиной этим беда придет. Беда страшная, для слишком многих гибельная. Беда, я на губах ее вкус ощущаю, как чувствую и вкус смерти стоящего рядом со мной сына кузнеца. Беду ты везешь, Савран сын Горда, беду страшную. И может, стоило бы оборвать жизнь пленника здесь и сейчас, нетрудно ведь – ядовитые шипы призвать и не будет беды, не будет горечи напрасных смертей, да только... несправедливость и так над ним. Жгучая, жуткая, невыносимая несправедливость.

И что же ты выберешь, ведунья лесная, беды избежать малой кровью, или исправить несправедливость?

– Пропущу я тебя, Савран, – проговорила, в пленника вглядываясь, – и пропущу, и на тропу тайную выведу, так что у корабля своего через час будешь, да только...я, знаешь ли, женщина, мужчину хочу.

И пленники, что с интересом на меня поглядывали, в едином порыве назад отпрянули, явно не желая становиться моим мужчиной. Всех проняло – даже этот, с глазами застеленными пеленой ненависти, голову поднял, да на меня так посмотрел, что идея с шипами ядовитыми единственно верной показалась,

единственно правильной.

- Помилуйте предки! - испуганно отшатнулся от меня Савран.

- Хе-хе, - мерзко шепелявя, похихикала я.

И передернуло даже пленника. На меня он теперь смотрел не с ненавистью - напряженно скорее, словно почувствовал, какого «мужика» ведьма выбрала.

- Да как же... не пойдет никто, госпожа, - растерянно пролепетал Савран.

- Этот пойдет, - я указала крючковатым пальцем с жутким черным когтем на пленника. - Ты мне амулет подчинения дашь, он и пойдет. Не так ли, Савран?

И взгляд перевела на сына кузнеца. Думал работороговец не долго - с шеи снял амулет, да мне протянул с поклоном. Я же амулет концом клюки подхватила, но даже ей, моей верной помощнице не по себе стало - амулет рабский из дерева делают, из меди в крайнем случае, но чтобы из закаленной стали с серебром?! Ох Савран-Савран, это ведь не просто амулет, это артефакт волю ломающий, что ж ты, сын Горда, не увидел подставы такой?

Подняв взгляд от артефакта, посмотрела на бледного купца и сказала едва слышно:

- От беды я тебя уберегла. От большой беды. Человека одного из обоза домой отправь, жену твою, ребятишек, пусть сюда приведет, да и тех, кто причастен - пропущу через лес. И дурак ты, Савран, ох и дурак!

Он понял.

В лице переменился. Да и дал приказ своим - мужика моего выгрузить. Да только охоронники не успели в клеть войти - парни сами подхватили пленника под руки и под ноги, и передали с рук на руки. Судя по всему, ходить мужик не мог...

А едва его на траву положили, я клюкой махнула, открывая тропу заповедную каравану, да другую заповедную для помощника Саврана... может и успеет, может и спасет, но сдаётся мне, что нет, да и ворон древний каркнул предостерегающе... а значит быть беде. Все-таки быть.

Когда исчезли среди деревьев и обоз, и помощник купца, медленно подошла к пленнику, которого прислонили спиной к стволу дерева, видимо, чтобы не упал. Подошла я близко, страха во мне не было – это мой лес, тут я сила и власть. Да едва приблизилась – усомнилась в этом. Слишком уверенно смотрели на меня фиолетово-синие как небо перед грозой глаза, слишком явной была усмешка, таившаяся в уголке губ.

– Что, ведьма, коли сама рожей не вышла, и мужика себе выбрала самого завялящего? – язвительно спросил он.

– Ну, допустим, как мужик ты мне и даром не сдался, – ответила я, – верно про себя сказал – вконец ты завялящий, небось уже и под себя ходишь.

Синие глаза сверкнули ненавистью.

И не то, чтобы знакомство мы правильно начали, а все равно на душе приятно стало – знай наших, зазнайка невольничья.

– И кто же я тебе? Раб? – спросил повелительным голосом мужик.

– Охраняб, – поправила я, задумавшись, откуда же у невольника голос такой взяться мог. – Охранять меня будешь, – продолжила уверенно. – А то, знаешь ли, развелось тут в последнее время желающих под венец меня повести без спросу, а я может девушка переборчивая, мне по любви надоть. Вот и будешь ты мой охраняб, вверяю тебе свою честь девичью.

По мере моих слов глаза у мужика становились все шире и шире, округлились почти в итоге. Судя по всему он, как впрочем и все, был искренне убежден, что от квитка девичьей чести уже только поганка и осталась, и на нее уже вряд ли кто позарится, но... Но он был раб, а я теперь его хозяйка, и будет по моему.

– А за службу...– начал было мужик.

– А за службу твою, не буду к тебе как к мужику приставать, – мерзко хихикнула я.

– По рукам! – мгновенно согласился он.

Видать спать с чудищем для него было страшнее смерти, оно и не удивительно – страшна я. Ух и страшна – я как маску, перчатки и нос надену, сама себя в зеркале боюсь, так что не удивительно, нет.

– Подняться сможешь, охранябушка мой? – ласково спросила я. – Али плечо подставить хрупкое, женское?

На плече росла поганка, так что мужик такой вариант даже не рассматривал и хоть тяжело ему было, а поднялся... С шестого раза, уж думала помочь, но ничего – встал, шатаюсь аки стебель на ветру, да за ствол древесный поддерживаясь.

– Что ж ты за него, как за родного цепляешься? – не сдержалась я от насмешки.

Мужик только зыркнул злобно, а говорить ничего не стал – сил просто не было, все на подъем ушли, а может понял, что не хочу приказывать. Могла бы, достаточно слово сказать, да артефакт подчинения тронуть, но в том то и дело, что не амулет это был, и волю ломал он необратимо, от того я не хотела его использовать, а мужик... мужик видимо понял это, каким-то своим, звериным чутьем.

И точно понял.

– Спасибо, ведьма, – сказал вдруг.

– Да не за что, охранябушка, – усмехнулась я, – давай, милый, два шага и дома будем. Сдюжишь?

Он только кивнул в ответ.

А я клюку подняла, дважды о землю ударила, да и открыла короткий экстренный путь к дому своему. Только вот не два шага тут было, а все пять. Но мужик ничего – первый сделал, на втором пошатнулся, третий прополз, к четвертому только рухнул, аккурат на ступеньки избышки моей. И все бы ничего, да только змеилась, клубилась, кралась за ним несправедливость зверская... и как помочь ему, я не знала.

На пороге моей избышки долго сидели мы оба... ну как сидели – я сидела, лузгая семечки и ждала Михантия, а мужик он лежал кулем почти бездыханным, впрочем про куль это я утрировала чрезмерно. Хорош был мужик... когда-то. Стать, разворот плеч, волосы черные, словно вороново крыло, а ныне с проседью на висках, руки... многократно ломанные, но видать до пыток пальцы были красивые, сильные, меч держали уверенно, да и не только его явно. Сильный был мужик... когда-то. А сейчас так, одна сплошная проблема.

Когда Михантий появился перед моим домиком, сразу и не понял, от чего это рядом со мной мужик лежит.

– Тяжелый, – сообщила я медведю, одновременно потянувшись за бочонком с медом, который на гостинец ему припасла. – Знаешь, думала сама справлюсь, выглядит же как мешок костей, но тяжелый, собака, не поднять.

– Угуррр, – прорычал медведь сочувственно.

А я серьезно чуть не надорвалась. Думала ну мужик и мужик, тут уж точно только кожа да кости, постелила ему в сенях, поставила отвары нужные на плиту, ужин в печку, а как пришла тянуть этого – никак, даже с места не сдвинуть. Пришлось звать Михантия.

– Только ты осторожно, – поднимаясь со ступенек и отодвигаясь, чтобы медведю удобно было, – и так ему досталось.

– Угум, – подтвердил лесной зверь и мой закадычный приятель, берясь лапами за бессознательного мужика.

И тут случилось то, чего вообще никто не ждал – едва когти медведя бережно и трепетно сжали изможденное тело моего охраняба, как мужик вдруг мгновенно пришел в себя, оттолкнулся от ступеней ногами, опрокидывая на спину моего медведя и падая следом, чтобы со всей силы локтем острым прямо мишечке в живот треснуть.

– Ты что творишь, ирод окаянный! – возопила я, хватаясь за клюку. – Не смей медведя бить, сволочь!

Ирод на меня взглянул, глаза его округлились, и мужик снова вырубился. Прямо на медведе.

И вот после всего этого, когда Михантий тащил мужика в сени, я сделал вид, что не заметила, как зверь его пару раз о косяк приложил, и вообще кинул не очень бережно на матрас, а вот пинать не стал, на меня глянул и усовестился.

– Ну, может у него инстинкт такой, шкуросохранительный, – глубокомысленно предположила я.

Михантий очень скептически на меня посмотрел, показательно тяжело вздохнул, да помычал неодобрительно. Не одобрял в смысле.

– Ничего, оклемается... наверное, – сказала я, глядя на мужика, который сейчас больше на грудку сломанных костей в мешке походил.

Медведь был со мной не согласен, логика и здравый смысл тоже, но какая ж ведьма мимо несправедливости жгучей пройдет? Правильно – умная. А это явно не я...

– Мед не забудь, – крикнула в спину уходящему медведю.

Тот поклонился благодарственно, бочонок прихватил и был таков.

А не особо умная ведьма осталась и со своим охранябом, и с цельной жгучей несправедливостью. Та зависла в углу облаком немного укора, напоминая, что пора браться за лечение моего охранябушки, ох пора.

Всю ночь я как самая умная просидела рядом со своим охранябом. Сначала вливала в него по капле отвара пипеткой, после часу ночи по две, к четырем утра по ложечке чайной каждые пять минут, в седьмом часу я вырубилась на моменте заливания в него уже отвара через носик моего фарфорового чайничка.

Оно может как, я бы и не вырубилась, но прошлую ночь одна очень умная лесная ведьма читала пошлый рыцарский роман, а на сегодня почитать уже было нечего, от чего сия неприятная оказия и случилась.

Проснулась я утром, спозаранку, часов было девять, не больше, и разбудил меня глубокий мужской голос:

- Девушка, вы как тут оказались?

С трудом разлепив ресницы, обнаружила, что мой охраняб уже очень даже пришел в себя, выпил все из чайничка, и из ведерка допил, и даже самовар, что стоял рядом опустошил тоже, а теперь будил меня, сладко спящую на его кровати, хотя я точно помнила, что сидела рядом на шкуре, когда поила его.

Проморгавшись, обнаружила, что, во-первых, охранябушка слишком быстро как-то в себя пришел в себя, во-вторых, я, не ожидавшая столь быстрого восстановления пленника, несколько была не в образе, а в-третьих:

- Сегодня же суббота!

- Суббота? - нахмурился мужик.

- Ну да, суббота, ярмарочный день! - воскликнула я, подскакивая с постели.

Охранябушка поднялся тоже, но не столь резво... хотя одно то что уже поднялся немного сильно очень смущало. И вообще многое смущало, но не суть-то.

- Ты это, ложись, - приказала я, - ведьма скоро придет, а она ого-го суровая!

Раба это не смутило.

- И до мужиков охотчая! - добавила я.

А вот это уже смутило, мужик сел и принял бледный вид. Но это не помешало ему задать крайне неприятный вопрос:

- А ты...

- А я тебя отпаивать должна была, - практически не соврала я. - Но ты уже и сам все выпил, как я погляжу. Нужник-то сам найдешь?

На меня посмотрели так, что стало ясно - коли не найдет, то у меня тут два нужника появятся, в смысле этот явно один отстроит с нуля.

- Вот и славненько, - засуетилась я, отходя в дом, - а я побежала, ждут родители-то.

И юркнув в дом, я подхватила сарафан, натянула поверх рубашки расписной, волосы заплела в две косы, украсила лентами с рябиной, подхватила корзинку, монеток мелких, и обувая лапти на ходу, попрыгала к двери.

Вот тут то мы и встретились.

Я и живот охраняю. Но так как живота толком не было, от столкновения было больно... причем мне.

- Ох ты ж! - только и прошипела.

- Аккуратнее, - мужик меня придержал, не дав упасть.- Что ж ты как оголтелая носишься?

- Так спешу же! - удержав вопрос о том, как этот вообще ходит, выдохнула я.

Выпрямилась, на мужика еще раз внимательно поглядела. В общем... большой был мужик. И плечистый. И опасный какой-то, как волк-одиночка, которого серые и всей стаей побаиваются, а еще мужик видел. Избу мою в смысле видел. Для других тут как не зайдешь – тьма беспросветная, а этот одним взглядом быстро все осмотрел, да так что стало ясно – видит он. И чашку на столе оставленную, и пирожок надкушенный, и книжку...

Книжка!

Я метнулась к столу, хватая томик, засунула в корзинку и обратно к выходу было подалась, когда до охраняба дошла одна только видимо ему ведомая истина:

– Стало быть ведьме служишь.

– Стало быть – служу, – не стала я отпираться.

И не вежливо вытолкнув его из светлицы, дверь закрыла, а затем добавила:

– Ведьма сказала, тебе до заката есть ничего нельзя, только пить. И спать. И пить и...

– И спать, я понял, – произнес мужик.

– Ну вот и хорошо, что понял, – улыбнулась ему я, и обогнув, выбежала во двор.

А то ярмарка же сегодня, могу не успеть.

– И со двора не уходи, – крикнула ему, – лес для тебя опасен пока.

А вот для меня лес был домом родным!

Самым чудесным местом на свете, самым светлым, самым любимым! И я бежала навстречу новому дню, здороваясь с деревьями, лесными обитателями,

нечистью, стаей оленей, матерым волком, который сюда, ко мне в заповедный лес, приходил побегать словно молодой волчонок, и мы бежали с ним вместе на перегонки, до самого Дуба Знаний. У дуба волк отстал, не любят волки котов ученых, хоть и магических, а все равно не любят.

- Дочиталамррр? - спросил призрачный кот, глядя на меня двумя фосфоресцирующими глазами прямо из дуба.

- Дочитала, - я достала книгу, с поклоном протянула ее дереву, и то, открыв ларец, что из нутра ствола выдвигался, бережно спрятало ее вглубь.

- А к экзамену когда готовиться будем? - укоризненно начал кот.

- Эммм, - начала я придумывать очередное оправдание.

- Год до экзамена остался! - поучительно напомнил кот-ученый. - Год всего! А ты? Про любовь она книги читает! Смотри, ведьма, добегаешься до алтаря самого, вон товарка твоя уж два дня как замуж выскочила!

И я чуть не села.

- Как выскочила? - спросила сдавленным шепотом.

Кот высунулся из дерева весь, потянулся призрачным телом, устроился на толстой ветке, скептически на меня посмотрел и сообщил:

- Смутные слухи, Весена, смутные. То там шепоток прошелестит, да и оборвется, то здесь... Да только говорят маг королевский лично за дело взялся, и куда он шагнет, там падают рубежи охранные заповедных лесов. Берегись, ведьма, ох берегись.

- Вот оно как, значит, опять нейдет королю, - расстроено подытожила я.

Кот важно кивнул.

- И-эх, жизнь, - вздохнула я.

Ближе к дубу подошла, трижды по стволу постучала, оттуда выпал список берестяной, да карандаш грифельный. Полчаса под присмотром кота я список составляла, в первую очередь требовались мне все трактаты по охранительной магии, во вторую – придется иллюзиями заняться вплотную, в третью... жертвы то я еще не приносила, стало быть в силу не вошла, а вот это вот самое плохое было.

Написав весь заказ, в ларец отправила, с котом попрощалась, да и пошла в Веснянки. Ярмарка сегодня только там, в Западянке через неделю, еще через неделю в Выборге, а опосля в Нермине. Это было удобно – так я одну неделю была Весей из Западянки, которую папенька на ярмарку в Веснянки отправлял, в другую уже Зарой из Веснянки, которую бабушка слала на ярмарку, в Нермин я ходила сиротой, в Выборг падчерицей злой мачехи. Когда-то думала зря я так, проще ж правду людям говорить сразу, а потом... нет, не зря. Ох не зря. Давно миновали времена, когда охраняло вече лесных ведуний, давно канули в Лету древуны и культ их Древесного бога, от всей старины Полесской только мы, ведьмы, и остались, а в остальном... Поначалу как – король своего бога поставил, одного над всеми. Мы пожали плечами, да и внимания не обратили – ну бог и бог, сколько их было и будет... да не тут-то было. Новый бог требовал храмов, жертв, подаяний и... власти. Власти хотел и король. И понеслось... В один год, я еще девчонкой была, отменил король власть вече, отменил и народные собрания. В другой – приказал гнать служителей Древесного бога, высмеяв их поклонение скульптурам из дерева. А потом больше и дальше. Были те кто против, но на сторону власти встали маги и запылали в единый день все храмы Древесного бога. А мы, ведьмы, остались. Остались потому, что сама земля нас бережет, сам лес охраняет, да вся нечисть лесная на защиту встанет, коли, что не так. Но если... если ведьма, по своей воле, за руку с мужчиной в храм нового бога войдет – нити силы рвутся, словно паутинка непрочная...

В Веснянки я вошла грустная, из-за нерадостных печальных дум. Махнула приветственно дяде Зоргу, стоящему на воротах, да и смешалась с толпой, ныне странной какой-то. По обыкновению как – все вдоль прилавков ходят, к товаром прицениваются, с продавцами весело торгуются, а сегодня торговые ряды пустые были почти, все на площади чего-то ждали. А чего?

Подойдя к бабе Урре, у которой я завсегда творог со сметаной покупаю, низко поклонилась старой женщине, но спросить не успела, бабушка первая заговорила:

– Ох, шла бы ты, Веся, домой сегодня, да скоренько, – и без счёту, без взвешивания, протянула мне творог в тряпицу замотанный.

– А что случилось то? – с поклоном принимая, тревожно спросила я.

– Маг случился, – прошептала одними губами баба Урра, – да охальник тот еще, Веська, завчера на сеновал увел девку Ванко-кожемяки, с утраца из его комнаты красная как твой маков цвет Кора дочка Ветова вышла. И сама понимаешь – он маг, закон ему не писан, а девкам бесчестье на всю жизнь то оставшуюся. А ты, Весянка, девка приметная, мимо тебя не пройдет. Иди домой, девочка, и денег не надо, уходи от греха подальше.

И стоило сказать ей, как ощутила я взгляд. Да такой, что одним этим взглядом явно любые двери открывал. И я отчетливо прочувствовала, как маг изучил взглядом и ноги мои, и все что выше, и косы, и профиль.

Я почувствовала его прежде, чем мужик материализовался рядом, впритык, заставив испуганно вскрикнуть бабу Урру, и отшатнуться от нас чуть ли не весь люд Веснянский.

Вот только я не робкого десятка.

– Извините, неуважаемый, – сказала, мазнув взглядом по стоящему так близко, что я дыхание его чувствовала магу, – я сейчас расплачусь с уважаемой женщиной и вы сможете купить творога, раз вам ТАК СИЛЬНО надо.

Но стоило за кошелом полезть, как маг перехватил мою руку и сказал, приблизившись еще ближе:

– Не торопись, милая, сам расплачусь. И за творог, раз он так тебе нужен, и за все, что пожелаешь, красавица.

И он сделал пасс рукой, от чего на колени к бабе Урре свалился самый настоящий полновесный золотой. Учитывая, что творог два медяка стоил – это была не просто щедрость, это был перебор. Показной, демонстративный и наглый перебор.

Я постояла, глядя на бледную бабушку, после чего наклонилась, забрала золотую монету с ткани ее юбки, не чураясь, опробовала на зуб, после чего задумчиво осмотрела монету, пристально, демонстративно и нагло, и вынесла вердикт:

– Не полновесная. Скупердяйничаете, господин маг.

И вернула монету бабушке Урре, добавив положенные две медные монеты.

Затем, обойдя застывшего мага, отправилась дальше вдоль рядов, попутно укладывая творог в корзину.

А позади раздалось:

– Гггосподин ммаг, ваша мммонета...

– Себе оставьте! – рявкнул он.

И направился за мной, шагая решительно и зло. Догнал в несколько шагов и заступил дорогу. Не поднимая взгляда, попыталась обойти – не дал, снова заступив путь. Попытка обойти слева тоже не дала результата. Смирившись с тем, что день сегодня выдался окончательно неудачный, я развернулась и пошла назад, намереваясь в конце молочного ряда на мясной свернуть. Сама я мясо редко ела, но теперь у меня дома был мужик, а мужиков кормить же надо... ой и на кой он мне сдался-то?

И тут случилось неприятное.

В конце молочных рядов, вдруг появился новый путь – и вел он явно не в мясные ряды, а куда-то определенно туда, где есть кровать и точно появится господин королевский маг. Остановилась, не дойдя двух камней до смены пути, затем медленно повернулась и впервые посмотрела на мага.

Маг был... такой маг типичный. Высокий мужчина с черными залезанными назад волосами, синими подведенными черным углем глазами, от чего взгляд казался пронизывающим, насмешливо приподнятой соболиной бровью и выражением в глазах, которое явно не сулило мне ничего хорошего... а если точнее маг стопроцентно ждал, что я сейчас сойду на тот самый магический путь, который завершится в его спальне. И ведь что досадно – сказать ему прямо, что он козел я не могу, местные девушки не бывают столь прямолинейны, вступить на путь не могу тоже, я-то с него сойду, но и тем самым выдам себя с головой – с магического пути только ведьма сойти и может.

– Что же ты остановилась, милая? – явно подначил маг. – Иди уже, раз не мил я тебе.

В своей силе маг был определенно уверен, все окружающие были точно уверены в том, что я теперь попаду к магу хочу я того, или нет, бабка Урра смотрела на меня с откровенным сочувствием... золотая монета так и блестела на ее юбке.

И я улыбнулась.

Хочешь поиграть, охальник королевский? Сейчас поиграем.

– Так за что вы там собирались платить? – поинтересовалась я, приблизившись к магу и неласково сунув ему в руки корзинку.

Он мужик? Мужик. Вот и пусть таскает, а то мы девушка хрупкая, нам не положено.

– Эээ...– маг несколько раз мигнул, но тут же собрался и коварно ответил:– За все, милая.

Ну... он сам это сказал, за язык я его не тянула.

Спустя час мы уже смотрелись парой, как минимум прожившей лет двадцать в не самом счастливом браке.

– Весенька, поверь мне как специалисту – это хорошее мясо, – шипел маг, указывая мне на идеальную говяжью вырезку.

– Ммм, даже не знаю, Заратаренька, – капризно надула губки я.

Заратарна эльн Тарга от моего обращения перекосило в очередной раз, но – мужик явно смирился уже даже с этим. Вообще любой бы смирился, если бы пришлось таскать корзинку, в которой была моя корзинка, заваленная продуктами, а так же копченый свиной окорок, копченый говяжий окорок, здоровенный основательно, копченый лосось, тоже нехилого размера, и да – все это ни в коем случае нельзя было поднимать магией, а иначе: «Ты что, миленький, магия продуктам вредит, излучения же в ней вредные, потом продукты эти хоть бери да выбрасывай!». Так что маг нес все сам, явственно скрипя зубами.

– Весенька, это хорошая вырезка! – начал срываться маг.

Надо же, наконец-то, я уж думала не доведу.

– Да, но там жилочка, – я надула губки еще капризнее.

У мага задергался глаз.

– Заратаренька, не злись, – я покровительственно похлопала его по щеке, надавав пощечин попутно просто потому что очень хотелось, – сейчас вырезку выберем, потом в тканевый ряд, а там и за бусиками зайдем, да?

И это стало последней каплей.

Разъяренный маг, сорвал с пояса кошель с золотом, сунул мне в руки, махнул ближайшему вознице, загрузил в подъехавшую телегу мою и не мою корзины, сказал что-то извозчику, а затем, развернувшись ко мне, ухватил за подбородок и совершил то, за что его вообще казнить должны были бы на столичной площади.

– К закату придешь в мою спальню, Весенька! – и глаза его вспыхнули синим пламенем, закрепляя приказ магией.

Любая девушка на моем месте сама не заметила бы, как на закате ноги принесли бы ее в постель мага... и от этого в моих глазах блеснули злые слезы.

– А вот потом будут тебе и бусики и издевательства над королевскими магами, – уже без магии добавил он.

И ушел, оставляя площадь и меня в потрясенном молчании.

И если я была потрясена тем, что маг в открытую, не стесняясь и вообще не чураясь магию влияния использует, и народ был потрясен примерно тем же, то стоящий в построюках бык потрясен был совсем иным – в спальню мага на закате предстояло отправиться именно ему, да. И учитывая обстоятельства, маг решит, что просто слегка преломил вектор направления магии, пребывая в ярости, а ведьма коварно промолчит о том, что преломление было уже ее рук делом...

Но магия влияния! Посреди бела дня! На глазах у людей!

Что происходит то вообще?!

«Деточка, – раздался вдруг тихий голос за моей спиной, – кошель заговоренный».

Я обернулась. Вдали, у самых ворот в деревеньку ведущих, стояла теща барона. Та самая, которая ведьма, да такая, что ей в отличие от меня накладной нос не нужен был. И та, кто обо мне знал, как и все, кто стоит на сумеречной стороне.

– Ведьма!

– Ведьма! Детей прячьте!

– Товар от сглаза прикройте! – раздались крики сельчан.

А я, как замороженная, пошла к ведьме напрямик, словно под магическим приказом находилась. С поклоном отдала ей кошель. Услышала лишь для меня сказанное:

«Придется в храм выбросить».

Поклонилась еще ниже.

А потом вместе с возницей, который за мной шел – ему уже уплачено было, покинула деревеньку.

На опушке леса, возница удивленно моргнул, увидев ожидающего нас здоровенного дядьку льняной рубахе.

– Батюшка! – радостно поприветствовала я лешего.

Тот было чуть не оскалился, да вовремя понял, что чары на нем, кивнул, подошел к вознице косолапо, забрал корзину с продуктами да и сказала я, ибо у лешего голос до костей пробирающий:

– Долго ты доченька.

Я же ему и ответила:

– Спасибо что встретили, батюшка.

Артефакт модулирующий голос штука замечательная.

Когда возница с быком, коему еще свидание сегодня предстояло, скрылся за поворотом, леший головой тряхнул, сбрасывая словно лоскуты дыма мое заклятие, укоризненно глянул на меня, и произнес своим жутким голосом:

– Долго ты сегодня. И запах на тебе. И магия.

От его голоса белки с ближайшей сосны прыгнули в разные стороны, сойка траекторию пути сменила, да два лесовика быстро шурхнули под пень. Страшный у меня леший, да не мой. Моего изначально не было, не приживался в этом лесу, окруженном человеческими поселениями никто из нечисти, так что как я пришла – пусто было. Это потом уже, едва в силу вошла, так подтянулись – сначала кикиморы, опосля водяной, следом лесовички да уххры, а в одну ночь вот леший заявился. Злой, израненный, в рытвинах со спиной стрелами утыканной. Поначалу к себе не подпускал и говорить не мог, все пытался издохнуть в норе под дубом, но потихоньку, помаленьку выходила. Теперь вот даже говорить стал.

– В Веснянках королевский маг, – ответила ему, поспевая за широким шагом лешего. – Девочек портит, ведет себя недопустимо, закон нарушает в открытую.

– Плохо, – подытожил леший. – А ведьмы что?

– Уже на месте, – тяжело было угнаться за ним, хоть и ходил косолапо, ноги так до конца и не восстановились. – Ульгерда в городе, не скрываясь. За ней должны подоспеть Славастена, думаю Изяслава на подлете. Разберутся, они ведьмы опытные.

И не сомневалась же тогда, ни единой капельки сомнения не было, да даже толики. Места у нас заповедные, а после падения Ясеневого Леса так и вовсе последний оплот нечисти, так что за нас ведьмы постоят всем кругом, Изяслава так и вовсе королевская Ведьма, она свое слово завсегда скажет. А мне то что, я лесная ведунья, мое дело маленькое – лес беречь, потерянных привечать, да учиться дальше, а вот с этим вот тяжело мне, хоть вой.

Я и взвыла.

– К ученому дубу? – правильно понял леший.

Кивнула. Взмахнув клюкой открыла заповедную тропу и пошли мы за новой порцией учебников, чтоб их! Вот раньше времена были – если позвал тебя лес, то все – сразу ты госпожа лесная ведунья, и идите все в далекое пешее. А теперь как – лес позвал, в силу вошла, учись теперь, голубушка, потому что коли назвался груздем, не вопи, что ты поганка к обучению не склонная вот совсем

никак!

У Дуба Знаний нас, как и полагается, встретил кот. А кот с лешим друг друга не взлюбили как-то, от того леший этот дуб зовет «Дуб Ученый», а собственно кота:

– Кот дубовый.

Ученый кот зашипел, и в долгу не остался:

– И тебе подышать долго, леший приبلудный.

– Леший не приبلудный! – вступилась я за лешего. – А кот – ученый, а не дубовый! – вступилась и за кота.

Да толку с этого.

– И как призрачные блохи, не домогают? – язвительно спросил леший, игнорируя меня.

Началось...

– А ты как, поганками не оброс? Не переживай, впереди еще все! – вставил кот, выгибаясь призрачной спиной.

Молча прошла к дубу, постучала трижды, да и получила ларец с книгами.

Открыла, просмотрела присланное – три книги по охранительной магии, одна по магии запирающей, по шрамам магическим было четыре трактата, каждый чуть не в половину меня весом – как прочитаю-то? По иллюзиям всего одна книга, зато с вопросами к экзамену сразу и сдавать придется через месяц дубу вот лично сначала зачет, а уже потом Силе Лесной на экзамене ответствовать. Ох и жизнь у меня, ох и жизньюшка...

А тут в довершении всего Сила Лесная возьми да и спроси замогильным голосом:

– Кого в дом свой привела, ведунья?

Это вот уже «ой».

– Мммужика, – ответила, чуть список не обронив, с которым сверяла все присланные книги.

От слов моих смутилась суровая Сила Лесная, притихли кот с лешим, на меня все глядят вопросительно.

– А я что? – растерялась окончательно. – Мне может в доме мужик нужен давно!

И тихо так стало вокруг.

– Небось о размножении задумалась? – язвительно оскалился кот.

– Может и задумалась! – решила стоять на своем я. – У вас, между прочим, явственный недобор лесных ведуний, может я хочу поголовье увеличить.

У лешего показательно отвисла челюсть.

Она бы может и не отвисла, но не восстановился он еще, от того иногда сбои и бывали.

Да только что мне леший – тут Лесная Сила осерчала. Да единым порывом ветра ко мне метнулась, зависла надо мной, очами зелеными горящими вглядываясь и спросила сурово:

– А может ты ведьма?!

– Да ни в жизнь! – отчаянно солгала я.

Лесная Сила отступила как кошка – подобравшись, будто перед прыжком. Леший с котом ссориться тут же передумали, кот сиганул с дуба и корзинку мою ухватил, леший ларец с книгами, и пошли мы скоренько от греха подальше.

Потому что и кот, и леший точно знали – ведьма я. Ведьма как есть. А кто еще иной тень несправедливости углядит? Да никто. От того и не признаешься Силе Лесной в истинных причинах совершенного.

– Ну, раз мужиком назвала... – начал кот, едва пропало ощущение присутствия Силы Лесной.

– Да страшный он!– высказалась в сердцах. – Не буду я размножаться! Помогу чем смогу, и пусть идет на все четыре стороны.

Леший только вздохнул тяжело.

Знала я, о чем он вздыхает. Между ведьмами и лесными ведуньями только на первый взгляд разница не большая, и те и те о благе леса да нечисти заботятся, и тем и тем силы магически свойственны, да только... лесные ведуньи другие они, иначе думают. Лесная ведунья мимо пройдет, коли увидит как волк коосулю настигает, от того что понимает – и ему питаться нужно. Лесная ведунья в лес чужого человека не пустит – ибо люди это одно, а ее дело лес защищать. Лесным ведуньям в принципе окромя леса ни до чего дела нет, другие они, иначе думают, по-другому мир видят. А мы, ведьмы, к человеческому миру крепко привязаны. Мы мимо горя и беды не пройдем, и коли тень несправедливости увидим – вмешаемся. От того Лесная Сила нас и не привечает, врагов в нас видит, да только... у меня тогда выбора не было, и лес позвал, вот и маемся.

– Нравится, не нравится, – наставительно продолжил кот, – да только ты Лесной Силе в глаза врал, а ложь завсегда расплаты требует. Ты ж пойми, не выпустит его теперь лес, покуда...

И договаривать кот не стал.

А я говорить не стала, что если захочу – выпустит, никуда не денется. Только вот неясно, чем мне все это потом аукнется. И знала ведь – принесет этот мужик беды одни, но я же ведьма, я же не могу мимо пройти... теперь расхлебывать

придется... как-нибудь.

На подходе к избушке, накинула на себя иллюзию, да и встала чуть позади лешего – говорю же, плохо у меня с иллюзиями.

Но зато вовремя наложила – охраняб мой ждал меня у калитки... которую сам и сделал. Сидел, на им же сколоченной скамье, усталый, вспотевший, злой аки медведь-шатун ранней весной, и явно не меня ожидающий.

– Здравствуй, охранябушка, – ласково прокаркала я, изменив голос.

– Здравствуй, ведьма, – мрачно ответил он, вглядываясь в тропинку и поджидая явно не меня.

Ну в смысле меня, но ту, которую он девкой селянской считал, а не вот эту вот меня с носом в аршин.

– Гляжу потрудился славно, – протискиваясь бочком в открытую лешим калитку, заметила я.

– Дело раба о госпоже заботиться, – язвительно усмехнулся мужик.

Надо же, гордый какой. То есть раз вылечила, я тебя ручным трудом отблагодарю, а в долгу не останусь, ведьма.

– Не тем отработываешь, – широко оскалившись, сообщил кот Ученый, вручая корзину оторопевшему от намека мужику, и по своей привычке истаивая в воздухе.

Охраняб корзину удержал, хоть немало веса была она, я уж хотела попросить лешего подсобить, но удержал воин. С трудом, а все же понес к дому, идя следом за мной и лешим.

В сам дом ему леший зайти не дал, корзинку забрал на пороге, да и войдя дверь за собой закрыл. Благодарна я ему за это была смерть как – моя иллюзия уже неведомо на чем держалась. Вообще странное дело – уплывала магия, как вода сквозь пальцы утекала, с чего бы?

– С тобой остаться? – прямо спросил леший, едва я кинулась надевать маску, плащ, да нос с перчатками.

– Нет, не переживай, – заверила друга лесного.

– Медведя пришлю, – предложил он.

– А кормить чем? Весь мед вчера отдала, – я развела когтистыми теперь руками.

– И то верно, пришлю волка, – решил леший,

И махнув на прощание, ушел, растворяясь в лесу, едва листочки коснулись его шишковатого тела.

А мы остались. Я, охраняя, насущная потребность чем-то мужика кормить и книги.

Ох и жизнь я себе устроила, вот чем только думала, а?

За годы жизни в одиночестве, я привыкла есть... иначе. Там пирожков купишь, там в деревеньке перекусишь, а дома ягоды, чай, бутерброды, творог со сметаной – и что девушке еще надо? Мне хватало. И было же все хорошо, так нет же – мужика завела себе!

Теперь корми.

– Охранябушка, – прокаркала противным голосом, – ты готовить умеешь?

За дверью и так было тихо, теперь тишина стала вообще мертвой.

То есть – нет.

– Ну, не серчай тогда, – пожала я плечами, пытаюсь вспомнить, как в принципе суп-то варить?

Поначалу я мужика за водой послала – тут недалеко было, мне леший еще год назад ручей во двор провел, теперь бочка с водой завсегда полная, и вода ключевая, студеная вкусная. Но вот то, что студеная... не радовало.

Котел для зелий пришлось мыть магией. Я попыталась руками, но слишком холодная вода была, в перчатках хлюпать начало вообще мерзко, пришлось магией. Охраняб скептически наблюдал за моими манипуляциями... но не вмешивался. Котел я в итоге кое-как вымыла, водой ополоснула, охраняб воды в него залил, совместными усилиями – я магией, он руками, взгромоздили над костром, всунув в таган, я в печи готовить не рискнула, я ее года два уже не чистила и в ней домовый приبلудный спал, тихарясь от Силы Лесной.

Потом долго ждали, пока вода закипит.

Я так вообще не дождалась, сбегала в дом, бутербродов наделала, на тарелке вынесла, на ходу уже вспомнила, что перчатки не надела, и пришлось сначала кричать:

– Охранябушка, а смотри, что это там?

А потом пока он смотрел в лес, тарелку на скамью бухнула, и умчалась за перчатками. Надо бы еще пару штук сделать, а то надевать мокрые неприятно.

К тому моменту как вернулась, охраняб уже все бутерброды умял, и теперь сидел на скамье, скептически глядя на меня и заодно сообщив:

– Там ничего не было.

– Да и тут уже ничего не осталось, – вздохнула я.

Подхватила тарелку и ушла в дом, новые бутерброды строгать – ну и аппетиты у некоторых, эдак я его точно не прокормлю.

Когда вернулась, меня ждали две вещи – закипевшая вода, и вопросительный взгляд все еще голодного мужика. Молча отдала ему тарелку, и угрюмо посмотрела на воду.

– По идее начинать нужно с мяса, – выдал умную мысль мужик, уминая очередной бутерброд.

Из ветвей растущей во дворе березки вылезла морда кота ученого и он с тем же умным видом заявил:

– Точно с мяса.

Леший умных советов не давал – просто принес мне кулинарную книгу, видать в Веснянки за ней ходил.

– Вот сердечное тебе спасибо! – искренне поблагодарила я.

Леший, кивнув, растворился.

А кот ехидно остался.

– Слушай, ведьма, я уже поел, – решил вдруг сжалиться надо мной охраняб.

– Точно? – не поверила я.

Мужик уверенно кивнул, доедая последний кусок. Я вздохнула, не скрывая облегчения, кот уржался так, что свалился с ветки на землю, и исчез уже оттуда.

– Ну, раз поел, моешь посуду! – гордо заявила я.

Мужик выразительно посмотрел на единственную все-таки чистую практически тарелку и на идеально чистый казан с кипящей водой.

– Может, компот сварим? – даже не знаю, почему предложила я.

Тяжело вздохнув, охраняб ушел в дом, вернулся с мясом. В общем если он и был согласен на компот, то только компот из мяса.

– У тебя хотя бы соль есть? – поинтересовался он, разделявая мясо на пне неизвестно где обнаружившимся топором.

У меня, кажется, вообще топора не было, где он его нашел?

– Какая-то ты странная ведьма, – разрубая говядину на куски, вскользь заметил охраняб.

– Что значит странная? Я старая женщина, давно живу одна, разучилась готовить! – возмущенно заявила я и ушла в избушку.

То же мне, нашелся тут мужик без странностей.

В избушке напустила туману, зажгла свечи, сняла плащ, маску, нос и перчатки, накинула на себя иллюзию – знаю, что они у меня не очень, но в тумане кто разглядит. Чаю мятного успокоительного заварила, творога себе набрала со сметаной, ветчины для бутербродов не осталось – мужик все съел, и засела за учебник по иллюзиям.

Два раза заходил охраняб.

Первый раз искал соль. Не нашел, забрал полупустую солонку со стола. Второй раз искал перец или специи «хоть какие есть». Высунувшийся из печки, сонный домовый указал ему на неприметный шкафчик у окошка, прикрытый занавеской. Надо же, занавески стирала в прошлом месяце, а шкафчика так и не видела раньше. В шкафу обнаружилась соль, труха из перца, что-то еще, от чего читающая я расчихалась, пришлось открывать окно и проветривать.

– Ведьма, не хочу показаться неучтивым, но у тебя глаз сполз на подбородок, – выходя, сообщил охраняб,– левый.

Кинулась к зеркалу и обнаружила, что мужик у меня очень даже тактичный – про правый глаз, сползший на щеку даже говорить не стал. Долго восстанавливала иллюзию, частично вообще по учебнику. А вообще ничего бы не сползло, если бы тут некоторые не шлялись!

Злая я выглянула в окно на «шляющихся», да и замерла...

Мужик мой казан крышкой накрыл и оставил компот мясной видать настаиваться, а сам сейчас стоял у бочки, сняв рубашку, и обливался водой из ведра. Полуобнаженный, мокрый, смуглый, со жгутами мышц, которых под рубашкой было не видать, худощавый, но жилистый и... с жуткой, страшной, прожегшей кожу меткой на спине!

Клеймо ставили на живую!

Клеймо ставили на человека, который был в сознании и пытался сопротивляться видать до последнего, потому что края метки ровными не были, глубина прожega оказалась неравномерной, а всю спину покрывали черные молнии проклятий...

Мой охранябушка оказался магом.

Запечатанным магом. Тем, кто подвергся самой страшной каре, которой только мог подвергнуться магически одаренный, да только... я видела три метки запечатавших его магию архимагов, четвертая отсутствовала. Кто же ты, мужик над которым клубится тень дикой несправедливости?

Он обернулся, словно услышал мой вопрос. Синие глаза полоснули по засмотревшейся на бывшего мага ведьме, заставляя понять то, что понять бы следовало раньше – он и есть четвертый архимаг!

От окна отпрянула, прикрыв рот рукой.

Архимаг! Вот от чего при нем магия моя таяла, как первый снег на солнце! Вот почему встал так быстро! Неясно лишь, за что его так прокляли? Да не просто прокляли – заклеямили варварским способом. Причем – несправедлив был приговор, несправедливой кара, подлым предательство.

А беда? Беда любой опытной ведьме была очевидна – архимаг он, а на него печать замыкающую наложили, на архимага. Словно знать не знали, ведать не ведали – что рано или поздно, магия его проломит и печать, и оковы разума. И вместо вменяемого заклеяменного – обезумевший неограниченный архимаг будет, да такой силы, что весь мой заповедный лес одним движением руки сметет... Убивать его надобно. Сейчас, пока сила из-под контроля не вырвалась, пока еще можно убить. И тут уж любая лесная ведунья убила бы не задумываясь, да и ведьма опытная – убила бы тоже... а я... я просто дуреха неопытная, глупая, да безрассудная.

И ведь даже сейчас понимаю – не убью. Рука не поднимется.

Хотя вот он мой шанс в силу войти – принеси я в жертву архимага, и даже Сила Лесная мне станет нестрашна... И будь я ведуньей лесной воспользовалась бы... Не от того ли он сняв рубашку спиной к окну обернулся, словно знал – приглядывать буду, да и увижу. Неужто настолько жизнь немила?

И тут со дна постучали.

Не ко времени постучали, да делать нечего – схватила блюдце серебряное, по нему яблоко наливное пустила катиться, да и ответила на зов ведьминский.

Стучала Славастена. Ведьма она была древняя, опытная, опасная. Она вот как раз в силу вошла мага убив, с тех пор даже Изяслава к ней прислушивается, и первая голову опускает при встрече.

– Чего хотела-то? – спросила я, снимая иллюзию и запирая дверь на засов одним движением руки.

Славастена тоже без иллюзии была – а потому встретил меня ясный взгляд зеленых глаз, насмешливо изогнутые губы молодой девицы, да рыжие косы, что Славастена носила неприбирая.

– Что ж ты такая грубая-то? – насмешливо поинтересовалась она. – Мала еще, старшим грубить.

Может и мала, да со Славастеной у меня свои счета были, от того и извиняться не стала.

– Твой бык-то? – насмешливо поинтересовалась ведьма.

И взмахнув рукой перед серебром, показала мне картину неприглядную – как идет маг королевский к спальне своей, как изогнулись губы его в кривой ухмылке, едва шум в спальне услышал, как дверь распахнул магией, руками не прикасаясь, да от всей одежды одним движением избавился...

Дверь захлопнулась, прикрывая обнаженный магический тыл.

Затем раздался рев. Для начала мага, под конец быка... Причем именно бык ревел обиженно и оскорблено...

– Да чего ж это деется?! – не выдержала я. – Да чего ж он со скотиной то беззащитной творит, бесстыдник!

Скотина оказалась далеко не беззащитной и в следующее мгновение мага вынесло из номера гостиничного вместе с окном. Маг, смущаясь присутствия многочисленных зрителей, в полете попытался одеться и одел – столб, дерево, окно на котором летел, и кузнеца Ивана, со всеми оторопело наблюдая за действием. А себя маг так облачить и не смог – видать летел слишком быстро, так что наземь упал в чем мать родила, на потеху мужикам и к смущению женской половины Веснянок.

А потом, прямо со второго этажа, на землю прыгнул оскорбленный бык, который копал землю копытом, пускал пар ноздрями и пригнул рогатую голову, демонстративно намекая, что он этого так не оставит, и вообще очень даже лежачих бьет... Магу пришлось улепетывать обнаженным, одаривая на ходу одеянием всех, кроме себя – столбы в Веснянках еще никогда не были такими нарядными.

Когда парочка «орущий маг и требующий справедливости бык» исчезла за поворотом, Славастена вернула изображение, вновь продемонстрировав себя, и вопросительно вскинула бровь.

- Ну... - промямлила я, - так получилось.

- Да неужели? - издевательски переспросила ведьма.

- Я же не виновата, что бык обидчивый попался, - попыталась оправдаться хоть как-то.

- А кто поверит тебе, ведунья? - и теперь не только издевка в голосе ее была, но и угроза.

Практически угроза.

Чуть не сглотнула нервно, сама не знаю, как удержалась.

- Сделаем так, Весенка, - голос Славастены сладок стал как мед, - я тебя прикрою, и от совета, и от магов, от тебя лишь одного прошу - не сегодня-завтра по твоей территории обоз с невольниками пройдет - пропустишь. Пропустишь и Саврану слова не скажешь!

Так значит, да?

Очень медленно подняла руку, да и сделала то, о чем давно мечтала - показала фигу бывшей наставнице. Внушительную такую фигу.

И глаза Славастены вспыхнули зеленым огнем.

- Пожалеешь ведь, - прошипела она.

- Так уже, жалею-то, - едко ответила я.

- Я тебя дуру, пожалела тогда! - прошипела стремительно стареющая ведьма.

– Ну так а я не поумнела, не видно что ли? – нагло спросила в ответ.

И остановила бег наливного яблочка, прерывая связь.

Посидела, сама не заметила, как задумчиво яблоко сгрызла, на сутки, не меньше, отрезая себя от всего мира. Может и к лучшему... Потому что не поумнела, нет. И тогда мимо несправедливости не прошла, и сейчас вот в нее же вляпалась да так, что выберусь или нет неясно.

Из печи высунулся домовый, посмотрел на меня, догрызающую черенок от яблока укоризненно, покачал головой и сказал:

– Ничему тебя жизнь не учит.

Даже отвечать не стала.

Поднялась, плащ на плечи накинула, капюшон на голову, иллюзию на лицо и руки, захватила клюку с артефактом раба подчиняющим и вышла на двор.

Охраняб мой ел сидя перед сдвинутым в сторону котлом и горящим огнем костра, в мокрой рубашке, некрепко держа тарелку, но с грацией орудуя ложкой. Меня он не услышал, сидел спиной к избе, да и шла я босая, но почувствовал – замер.

– Не оборачивайся, – приказала, убирая иллюзию.

– Что так? – хрипло спросил.

Объяснять не стала, предупредила только:

– Артефакт подчиняющий при мне.

Понял, сглотнул гулко.

Застыл, напряженно.

Я медленно подошла вплотную, прикоснулась ладонью к рубашке так, чтобы мокрая ткань обрисовала клеймо – едва ли я рискнула бы прикоснуться к нему напрямую. А так, через ткань, провела, касаясь каждой из пяти меток. Три оставили те трое архимагов, что оставались в королевстве последними, раз этот четвертый, а вот две метки... Одну магистр ставил, много сил в нее вложил, почти выгорел, а пятаю... того кто ставил пятаю, последнюю, усиливая метку магистра, я не смогла определить.

Но стоило мне прикоснуться к ней – мага затрясло.

– Не бойся, вреда не причиню, – тихо сказала я.

– Не боюсь, – с трудом сдерживая ярость, произнес он, – но где твои когти, ведьма?

Я вздрогнула. Мгновенно отняла руку. Помолчала, а воинственно выдала:

– Так подпилила. Мужик же в доме, надо соответствовать.

Он усмехнулся.

А затем как-то очень странно сказал:

– Ты слишком хорошо вымыла котелок, ведьма. Он прямо сияет.

Меня пробрала дрожь. Очень медленно повернув голову, взглянула в сторону котла с похлебкой и увидела свое отражение – растрепанные волосы, виднеющиеся из-под сползшего назад капюшона, лицо девчачье испуганное, глаза широко распахнутые и ужас, который я, к стыду своему не скрывала.

– Да, меня тоже сползший на подбородок глаз напрягал меньше, чем это, – хрипло признался маг.

Я поняла о чем он – я ведьма молодая, в силу не вошедшая, то есть жертву еще не принесшая. А тут вот он весь – в моей власти и целый архимаг. Убивай не хочу

просто!

И ведь что сейчас не скажи – не поверит. Выглядит все слишком уж – и караван встретила, и себе забрала, и артефакт подчинения не забыла прихватить, а ошейник все так же на нем, и прикажи я на алтарь лечь – сопротивляться не сможет.

Почувствовала себя целой владельницей целого мужика!

Рабовладелица уже звучит гордо, а я теперь целая архимаговладелица!

Постояла, подумала. Сняла плащ с себя, откинула на ступени, с клюки сняла артефакт – демонстративно надела на шею, чтоб знали некоторые охранябы – кто тут хозяин, и, отправив клюку прыгать в избу, обошла мужика и села рядом.

Посидела, подперев кулаком подбородок, посмотрела на огонь, затем искоса взглянула на мужика и спросила:

– И как суп?

– Похлебка, – ответил он, все так же сидя с неестественно прямой спиной. – Хочешь?

Кивнула, прикусив язык, чтобы не спросить «А не отравлено ли?». Свистнула домовому, тот принес еще тарелок и ложек, себе из казана похлебки набрал и умчался в дом – он в этом лесу вообще гость незванный, потому у меня в домике и скрывается.

А вот мне архимаг похлебки налил, тарелку протянул, пристально за каждым движением следя. А едва я за ложку взялась, насмешливо поинтересовался:

– И даже не спросишь отравлено ли?

– Я хотела, – честно призналась рабу, – но решила тебя не обижать.

– Спасибо, добрая госпожа, – едко ответил он.

И видимо обиделся.

Из дома выскользнул домовый за добавкой, поцокал одобрительно, хваля повара, и умчался обратно в избу.

– Твой первый су... в смысле похлебка? – спросила я, осторожно набирая варево в ложку.

Пахло вкусно.

– Практически, – угрюмо ответил архимаг, у которого впереди была в лучшем случае смерть, в худшем безумие... а вообще-то у него впереди была я, и надо было бы ему как-нибудь на это намекнуть.

И вкус у похлебки оказался тоже потрясающим, я даже глаза прикрыла от удовольствия – вкусно. Давно я горячего такого не ела, соскучилась.

– Готовишь ты, – решила, набирая уже пятую или шестую ложку, я кажется, после первой счет потеряла.

Маг мрачно посмотрел на меня, усмехнулся и сказал:

– Ты ведь уже поняла кто я. Повар из меня не лучший будет, я уже лет сорок как не готовил в принципе.

Чуть не подавилась, укоризненно взглянула на него и честно призналась:

– Просто поверь, я готовлю хуже.

Подумала, и призналась еще честнее:

– И ведьма с меня примерно такая же. Никакая в смысле.

Теперь аппетит пропал у мага, а взгляд стал очень, просто очень напряженным.

Подтверждая его худшие предположения, добавила:

- Печать будем снимать.

- Дура,- тихо, но очень отчетливо произнес архимаг.

Пожала плечами, ничуть не отрицая.

Маг же, помолчав, спросил:

- Ты природная ведьма, да?

- Прирожденная, - поправила его.

Он отложил свою тарелку и схватился за голову. Понимаю, я бы на его месте поступила бы примерно так же. Ну или сбежала. Нет, я бы, наверное, сбежала... но у него ни шанса, на мне подчиняющий артефакт.

- И что ты видишь, глядя на меня? - хрипло спросил архимаг, зажмурившись до боли в глазах - я в отражении котелка увидела.

- Беду, несправедливость, боль, - нехотя ответила я.

Он стиснул челюсти, но затем, выпрямился, чем только подчеркнул свою худобу и немощность, и сообщил:

- Эту печать не снять. Поверь, и пытаться не стоит.

- Да, но дура я, еще и неверующая, - отозвалась беззаботно. - И снимем мы ее, серьезно снимем. Я же природная ведьма, так что рано или поздно, но снимем.

Архимаг посмотрел на меня так, что сразу стало ясно, где он видел меня, мою природную магию и в целом мою уверенность, я лучезарно улыбнулась в ответ, сверкнув иллюзорными зелено-желтыми клыками.

И вдруг реальность изменилась!

И я на архимага смотрела, а видела иное. Дорогу, темную, залитую светом наливающейся кровью луны, бегущую женщину с двумя детьми держащимися за юбку матери, да одним в прижатом к груди, мужчин, следующих за ней и падающих одного за другим... И хотя до моего заповедного леса оставалось две версты, решение пришло быстро – взмах рукой и дорога делится на двое, уводя женщину и детей в безопасность, тихий шепот ветра и из своей норы встает леший, а по краям дороги растут-поднимаются лианы с ядовитыми шипами. И пусть не мой лес, не моя заповедная территория, но...

– Что ты творишь? – яростный шепот моего охраняба.

Его я не видела, но протянув руку, сплела пальцы с его сильной ладонью, позволяя увидеть то, что вижу я.

И архимаг мгновенно сориентировавшись, сказал мне то, что уже и так знала:

– Это не твоя территория!

А то я не знаю!

– Слушай, не...- начал был маг.

Хрипло выдохнув, выгнулась всем телом, вливая дыхание заповедного леса в дорогу и ядовитые лианы волной слхлеснулись одна с другой, перекрывая преследователям путь.

– Лесная Ведунья! – слышался крик... знакомый мне крик.

– Не ее территории! – вторил ему тоже кто-то... знакомый.

Я улыбнулась.

Есть яды, что не вредят животным, а вот людям...

– Что же ты делаешь?! – взревел уже практически архимаг.

А по захваченной мной дороге распускались-расцветали источая яд кусты дурмана, росли и наполняли ночь ядом тысячей соцветий, падали с испуганных лошадей преследователи, теряли сознание преследуемые...

И падала на землю я, очень надеясь, что не костер.

В себя пришла неожиданно не на земле, что плохо – земля силу дает. А так очнувшись я едва дыша, взглянула в синие глаза моего охраняба, и попросила:

– На землю положь.

Мужчина, стоявший со мной на руках, отошел от костра, и аккуратно опустил меня на траву. Отошел на шаг.

Вдох – меня выгнуло дугой, едва не ломая кости, выдох – и занывшая от боли спина касается всей поверхности почвы... боль отпускает. Одна боль. Та, что физическая... а вот другая терзает словно позабытый оголодавший зверь, вырвавшийся из клетки... «Не ее территории!»... да, голос я узнала. Не ждала, не гадала, что встретиться доведется, а жизнь вот оно как...

Медленно села, поджав колени к подбородку, обняла сидела, покачиваясь, да и позвала:

– Леший.

Подчиненный мой явился мгновенно – вылез по плечи из земли, на которой сидела, посмотрел вопросительно.

– Какая из изб охотников у нас еще держится кое-как? – спросила сходу.

– Из охотничьих – никакая, – ответил он, – ты ж охотников не жалуешь. Рыбацкие сохранились.

– Где? – уточнила я.

Леший, почесав шишковатый подбородок, вытащил из головы сучок, и нарисовал схему у излучья Зорянки. Указал на третью избу.

Молча кивнув, подозвала снова свою клюку, и едва та прискакала, взялась за нее, да не поднимаясь, оземь ударила – один раз – и заповедная тропа открылась женщине с детьми прямо возле нужной рыбацкой избы. Второй раз – и проход в мой лес закрылся для тех их преследователей, кто еще жив остался... осталось много, оно и не удивительно, с ними был маг. Магистр. Один из лучших магистров королевства. Третий раз удара клюкой заставил проснуться волков.

– Оттащить в охотничьи избы, – приказала я, помечая каждого из раненных защитников хлебной плесенью – она и раны затянет, и меткой станет.

И вот после этого с чистой совестью рухнула обратно на траву – спать и сил набираться.

Сквозь сон услышала сказанное охранябушкой:

– Может... в дом ее?

– Нельзя, – ответил леший. – Она лесная ведунья, ей силу лес дает и земля.

Проснулась я от того, что рядом воняло зверски. Воняло так, что глаза резало, и дышать уже не хотелось вовсе. Хотелось сдохнуть не просыпаясь! Но едва я попыталась отвернуться, как запах стал сильнее.

Подавив рвотный позыв, распахнула ресницы и потрясенно посмотрела на охраняба, который держал у моего носа какой-то ужас, в котором явно пребывал экстракт всех ароматов разложения, которые вообще могли бы быть.

– Нюхательных солей у тебя нет, пришлось импровизировать, – сообщил мне раб, все так же невозмутимо травя меня отнюдь не благовонием.

– Все, я проснулась! – заорала не своим голосом.

Даже клюка дернулась с перепугу.

– Точно? – уточнил охраняб, вскинув бровь и не убирая пузырек.

– Да точно-точно! – подскочив, отодвинулась.

И огляделась – вечерело уже. Надо же, почти сутки проспала. Но все равно мало было, после такого оно самое то еще бы поспать.

– Я бы не будил, – ничуть не усомнившись деянием, произнес тощий архимаг, – но у тебя серебряное блюдце с яблоком уже часа два трезвонит, а преследователи там потихоньку лес твой рубят.

– Что? – потрясенно переспросила я.

Сжала клюку, да и рухнула обратно, поднимаясь вверх птицей. Птица была проверенная – мой черный Мудрый ворон. Древний, ему лет триста было, от того и вселяться в него было проще всего, и с самим Вороном можно было между делом поболтать.

«Ты заповедный лес вчера по всему кругу увеличила, – взлетая над деревьями, сообщила мне птица».

«Ой...– только и сказала я».

«Чего пугаться? Правильно сделала, – похвалил меня мудрый друг.– Русалки только рады. Кикиморы на Варговом болоте тоже. Люди не все».

И Ворон поднялся выше, почти под облака, позволяя мне увидеть, что заповедный лес дошел до стен Запядянки, и странные дела там творятся – люди

выкапывают ростки деревьев в лесу, да вокруг домов своих сажают, самостоятельно и самовольно увеличивая территории моего леса. И понять то их можно – с территории Заповедного леса налоги не снимают, животные у меня на людей не нападают, и в целом – безопаснее. Деревья мои правда рубить нельзя, если только не сухие, но ветки и валежник собирать можно – так что люди по-своему, по-простецки, решили что раз такое дело, то грех не воспользоваться.

Но то люди простые, а властимущим такое ой и не понравится, ой и шуму будет... в смысле попытаются теперь меня замуж выдать, ох и попытаются.

«На запад лети, – попросила я Мудрого».

Тому и лететь не пришлось, повернулся лишь, изменив направление полета, и я увидела... Рубить они начали основательно – за ночь подогнали из города даже не лесорубов – лесопильные установки, теперь вот пытались пробиться через ядовитый кустарник, сплетенный покрепче иной корзины для переноски тяжестей.

«Основательно взялись» – сказал Ворон.

Я бы кивнула, да он не услышит, а голосом ответить не могла – отсюда, с высоты птичьего полета, я смотрела на стоящих в отдалении красивую рыжеволосую ведьму и высокого светловолосого магистра... не ошиблась я вчера. Ох не ошиблась.

«Ближе не подлетай – заметят», – сходу предупредила я Ворона.

«Меня-то!» – начал он хорохорясь.

«Ближе не подлетай!» – с нажимом повторила я.

И отпустила птицу.

Некоторое время так и сидела на земле, пытаюсь осознать, что увидела.

Потом вдруг поняла – спала я укрытой. На мне одеяло было, из дому принесенное, сверху шалаш с занавеской, видать от солнца поставил.

В смятении посмотрела на архимага – тот кашеварил опять, в новом казане варя какие-то травы.

– Раков принесли, – сообщил он мне, и добавил, – русалки на рассвете заходили.

«Мужика почуяли» – мрачно подумала я.

Просто ко мне не приходили ни разу, водяной у них был главный, вот он да, захаживал по случаю, ну или я к нему.

– Леший был? – спросила у мага.

– Был, – кивнул он. – Баба с ребятишками в порядке, покормил мясной похлебкой, оставил им хлеба и творога твоего, не серчай. Мужиков кого подлатал, кого полечил, кого похоронил... Дороги они тебе были?

Что ответить-то?

Правду ответила:

– Баба эта с детьми – жена Саврана. Мужики – из его охраны.

Архимаг покивал, доставая красных готовых уже раков на крышку, вместо блюда... просто блюда у меня не было, и уточнил:

– А Савран кто таков?

Грустно глядя на раба, тише, гораздо тише ответила:

– А Савран сын кузнеца, это тот, у кого я тебя вчера купила, в обмен на проход по моему заповедному лесу.

И раки едва не упали на землю. Упали бы, но охраняб подхватил их в последний момент, удержал крышку, и с поварешкой в руке, обвинительно глядя на меня, произнес:

- То есть они тебе никто!

Это был интересный вывод из всего мною сказанного.

- Слушай, охранябушка, - я поднялась, тяжело поднялась, за клюку свою придерживаясь - больно уж мир нестабильным был, да пошатывался, - понимаешь...

Сделала осторожный шаг... не упала - уже хорошо, а то бывало и ползком до избушки добираться приходилось.

- Понимаешь, - уже увереннее произнесла я, - был бы ты раб простой, Саврану дали бы простой амулет подчинения, а не это вот!

И я сняла с шеи этот самый «это вот».

- Сам видишь, - держа его на ладони и подставляя лучам заходящего солнца, продолжила я, - это не дерево, не медь, не простая поделка для рабов. Да и простых рабов Савран не возил никогда - понятийный он, честный, ты остальных в его клетки видел - там все по своей воле, уходя от тяжелой доли крестьянина-пахаря. И тут ты. Да не с амулетом подчинения, а с артефактом силы немерянной, что не подчиняет - ломает волю. Может и не умна я, да сложить дважды-два дело не хитрое. Взять тебя Саврана заставили.

Архимаг тяжело посмотрел на меня, затем вернулся к делу нехитрому - доставать раков из казана, и лишь когда последнего достал, хрипло спросил:

- Значит, ты поняла, что он волю ломает. От того терпеливо ждала, пока не поднимусь сам и приказа не отдавала, да?

- Да, - просто подтвердила я.

И ушла, стыдливо не оборачиваясь, в свой нужный сарайчик.

Удивилась сильно оный не обнаружив, зато увидев другой, правее – новый, крепкий, не то что мой готовый от любого порыва ветра рассыпаться.

– Эээ... спасибо тебе! – крикнула архимагу, заскакивая в нужное место.

– Это тебе... спасибо, ведьма, – едва слышно отозвался он.

Когда вернулась, умывшись, охраняба своего на дворе уже не увидела, зато он из дома крикнул:

– Завтрак на столе.

Да как бы ужин уже, но чего уж спорить то.

Как оказалось на столе был и завтрак, и обед, да вот еще и ужин поспел.

– Чай нагрей госпоже, – приказал не оборачиваясь охраняб, ломая здоровенных раков.

Домовой тишком выскочил из печи, подогрел чай для меня, двух раков слямзил со стола, да и был таков. Маг на него даже не глянул. На меня не глядел тоже. А вот мне поглядеть было на что – стол стоял новехонький. Скамейки тоже. Кровать моя, там давно одна ножка отвалилась и я пенек приспособила, теперь же новехонья кровать стояла, заглядение просто.

– Итак, – едва я села за стол, и принялась есть, начал охраняб учительским тоном, – значит вчера, одна не шибко умная лесная ведунья, влезла в дело, о котором точно знала – влезать не стоит!

И он мрачно посмотрел на меня своими синими, очень синими глазами.

– Ну влезла и влезла, с кем не бывает, – отмахнулась я, потягивая чай.

- С умными лесными ведуньями! - вынес вердикт... между прочим раб.

- Кто бы говорил, - съязвила я.

У мага дернулась щека, но он видимо считал ниже своего достоинства обсуждать собственные ошибки, поэтому перешел на мои.

- И сейчас преследователи людей Саврана рубят твой лес.

Пожав плечами, беззаботно ответила:

- Пусть рубят.

Маг вопросительно поднял бровь. Я все так же беззаботно ответила:

- Это Заповедная чаща, охранябушка.

- Ты хотела сказать - лес, - уточнил он.

Отрицательно покачав головой, от чего на лицо упали мои пряди нечесаные, пояснила:

- Я сказала то, что хотела сказать. Видишь ли лес - это одно. Он, хоть и заповедный, да добрый, проходимый, светлый и беззлобный. Это лес. А есть чаща, охранябушка. Это как у волка - есть шерсть, приятная, гладкая, нежная на ощупь... а есть клыки и когти.

Несколько секунд архимаг мрачно смотрел на меня, затем все же снизошел до краткого:

- И?

Коварно улыбнувшись, не менее коварно сообщила:

– И я бы не советовала лезть руками в пасть к волку. Ох и не советовала бы. Особенно к злему. А они разозлили.

И тут со дна постучали снова.

Я на охраняба выразительно посмотрела, палец к губам приложила, призывая к молчанию, да и ответила на вызов зеркальный, расположив блюдце серебряное так, чтобы видать было только меня, да стену темную за моей спиной. И лишь опосля пустила выросшее за ночь новое наливное яблочко.

Стучала снова Славастена. На сей раз на ведьме иллюзия была, да и грим нужный – от того взглянули на меня зеленые глаза щедро сурьмой подведенные, ярко выделяющиеся на фоне бело-фарфоровой кожи, в обрамлении черных прямых волос.

– Значит, в силу вошла, да? – прошипела Славастена.

И охраняб мой от звука ее голоса напрягся так, что даже дышать перестал.

– Ну вошла, дальше что? – зевнув, от того что спать хотелось мне, спросила нагло.

А Славастена зарычала, почитай, что зверь лесной раненный.

И уже без расшаркиваний, без лишних слов, прорычала:

– Где архимаг, тварь?

Я, спокойно себе пьющая чай, чуть не подавилась от такого.

А ведьма продолжила:

– Тебе что было сказано, оборванка беспутная? Саврана пропустишь! Пропустишь!

- Так пропустила же, - делая вид, что не обидно ни разу, спокойно сказала я.

И пока Славастена воздух ртом хватала, ехидно добавила:

- Только сделала я это девятью часами ранее, Славастена. И на моих условиях.

И победно отсалютовав бывшей наставнице чашкой с чаем, сделала маленький глоток, ощущая непередаваемый вкус сделанной гадости. Если бы ведьма могла проклясть меня через серебряное зеркало - она бы это сделала, действительно сделала... но она не могла, никак, от того ей оставалось лишь скрежетать зубами, и скрежет вышел славный.

- Где архимаг, тварюга? - прорычала она, подуспокоившись.

- Вспоминаем твою первую фразу...- с намеком протянула я.

А первой фразой ведьмы было: «Значит в силу вошла, да?».

- То есть ты убила моего архимага?! - взревела ведьма.

- Ага, - абсолютно невозмутимо соврала я.

«Убитый» нервно сглотнул, потрясенно глядя на меня.

- За артефакт подчиняющий волю спасибо отдельное, - мило проворковала я, явственно издеваясь над бывшей наставницей.

И по лицу вечно молодой Славастены пошла рябь, выражая высшую степень ее бешенства.

- А то знаешь ли, - продолжила невозмутимо, - он бы без него и наземь бы не лег, и сопротивлялся бы, а так вообще никаких проблем и целый архимаг - мой. Кстати.

Я сняла с шеи сохранившийся артефакт подчинения, разместила на раскрытой ладони, и на глазах у потрясенной Славастены медленно подула на магическую

вещь – тяжелый серебряный предмет под дыханием ведьмы медленно истаял и уже лишенными силы серебряными ручейками пролился на пол... точно так же поступил ошейник на моем охраняе, но к чести мужика он не издал ни звука.

А вот Славастена захрипела, подтверждая, что артефакт был ее работой. Исключительно ее... и сейчас при гибели ее творения, она испытывала боль, причем отнюдь не моральную.

– Не люблю серебро, – стряхивая с руки последние капли, равнодушно ответила я.

Ведьма по ту сторону зеркала хрипела и едва не выла, отчаянно сдерживаясь.

– Знаешь, в чем проблема твоя? – глядя в ее наливающиеся колдовской зеленью глаза, произнесла я. – Ты не ведьма.

Это было самым страшным оскорблением в сторону любой из ведьм, но это же было истинной правдой в отношении Славастены... жаль, об этом знала только я. Ну и она тоже, соответственно.

– А кто поверит тебе, ведьма? – прошипела моя бывшая наставница.

– А это не важно, – подбрасывая яблочко и снова хватая его, ответила я. – Знаю я, знаешь ты, рано или поздно узнают все остальные. А к лесу моему руки не тяни, Славастена, отгрызу по локоть.

И я откусила от яблока, пристально глядя на содрогнувшуюся ведьму.

Содрогаться ей было от чего – одновременно со мной откусила и чаща... все пилы, все телеги с пилами и лесоповалочным материалом – всё. Людей только не тронула. Но это пока...

– Я объявлю тебя вне закона! – прошипела Славастена.

– Ой, серьезно? – притворно испугалась я. – А кого именно, Славастена? Меня, ведунью Заповедного леса, которая и так вне всех законов, или ведьмочку, что

была под твоей защитой, а ты ее... скажем так «не защитила»?!

Она зарычала и повторила то, что меня уже бесило невероятно:

– А кто тебе поверит?!

Мы обе знали что никто.

Знали, но:

– Тайна, что известна двоим, рано или поздно станет известна всем, – уверенно сказала я.

– Ведьма, – презрительно обозвала Славастена, – все вы искренне верите в мировую справедливость, а что в итоге?!

Я прервала связь. Затем медленно сгрызла яблоко, мрачно глядя в серебряное блюдо, ныне отражающее лишь мое лицо.

«А что в итоге?!»

Я ведьма, а значит, я, как и все ведьмы, истово верю, что в итоге победит справедливость. Мы такие. От природы, от рождения, от крови... не знаю от чего, но мы такие. Ведьмы верят, что рано или поздно всем воздастся по заслугам. Ведьмы верят в справедливость. Ведьмы не могут пройти мимо тех, кто был несправедливо обижен. Ведьмы, мы... Славастена просто не была ведьмой. Она была магом. Одаренным, сверх одаренным магом, которая сумела обмануть круг при поступлении, которая до сих пор водила за нос всех честных ведьм, просто потому, что подобной бесчестности не могла даже мысленно допустить ни одна из нас. Мы верим друг другу. Привыкли верить. Мы знаем, что есть границы и табу, которые ни одна из нас не нарушит. Мы... а она просто не ведьма, и я узнала об этом слишком поздно.

И тут архимаг подал голос, тихо спросив:

– Славастена была твоей наставницей?

Грустно посмотрела на него, и не стала отвечать. Что толку отвечать, если и так все ясно. Не было смысла отвечать, да и говорить об этом смысла не было тоже.

Но охраняб считал иначе:

– Я слышал историю о том, что воспитанница Славастены сбежала за сутки до свадьбы со своим любовником. Любовника нашли... ведьму нет.

Молча кивнула, подтверждая, что слышал он обо мне, да.

Но архимага ответ не удовлетворил, и пристально глядя на меня, он тихо спросил:

– А был ли любовник?

Отрицательно покачав головой, я взяла чашку, поднесла к губам, и едва слышно выдохнула:

– Был друг.

И больше я не смогла сказать ни слова. Даже если бы хотела – не смогла бы. Просто не смогла бы. О таком не говорят, о таком горько плачут в тишине своего сердца. Только плачут, потому что сожалеть уже поздно.

– Это расследование вел я, – вдруг уведомил архимаг. – Я подтвердил тот факт, что вы были любовниками. Я нашел то место, где его поглотил лес.

Если маг хотел меня как-то поразить, или может напугать – напрасно. Я уже давно не чувствовала практически ничего по поводу случившегося... заставила себя не чувствовать. Знали ли мы, что ищейки считают его предсмертное воспоминание? Знали. Но это была последняя просьба умирающего Кевина, и я поцеловала его холодеющие губы, вложив в свой поцелуй всю благодарность к этому, так и не познанному мной парню. Это все, что я могла сделать в благодарность за спасенную жизнь.

– Каждый видит только то, что хочет увидеть, – грустно улыбнулась я. – Ты искал любовников, их и нашел, только и всего.

Маг, сидящий напротив меня, смотрел синими, пугающе синими глазами, и наконец произнес то, о чем видимо хотел спросить с самого начала:

– Почему лес поглотил его тело?

Как много было в этом вопросе... недосказанного. Я улыбнулась невольно, сделала еще глоток чаю, и спросила:

– А почему ты не избрал смерть, после наложения печати?

Щека мужчины дернулась, но это было единственным проявлением ярости, которую он подавил.

– Потому что мне не дали... умереть, – сдавленно ответил он.

Улыбнувшись чуть заметнее, тихо добавила:

– Потому что тело мага можно использовать... для различных целей. Ты об этом узнал слишком поздно, а Кевин... уже знал.

И я поднялась, убирая со стола.

– Оставь, сам уберу, – хрипло сказал мужчина.

Не отреагировав, продолжила складывать тарелки и спросила:

– Сколько умерло?

– Трое, – последовал ответ.

Помолчал и спросил:

- Что делать с ними будешь?

Пожав плечами, равнодушно ответила:

- Отпущу, как и всегда. Это заповедный лес, охранябушка, он всех принимает, всем помогает, но никого не держит. За бабой с ребятишками вернется через два денька Савран, думаю, покинут они королевство. К мужикам сама схожу сейчас, подниму на ноги, кого смогу, да Саврану дам знать, где искать охоронничков своих. Если захочет - пойдет к ним. А нет... так я ему не судья.

- Ты ему не судья... - эхом отозвался архимаг. - По его вине люди погибли, а ты ему не судья!

Остановилась у печи, повернулась к мужчине и спокойно сказала:

- Это наемники, охранябушка. Знали, на что шли, знали, за что деньги берут. Не Савран бы тебя вез, другому поручили бы - это ясно как день. Это понимаю даже я, и они тоже поймут. От Саврана зависит лишь - заплатит он им сверх меры, али нет. Но у него теперь жена с детьми, а возвращаться им некуда, жизнь придется строить заново, так что раскошелиться или нет - ему решать, он мужчина, он глава семейства.

И я начала собирать еду, ту, что отнесу жене Саврана. В избах рыбацких многое есть - чайник, да чай, сахар есть, соль, перец, крупы - за тем строго следят. Что взял - назад должен положить, а коли нет возможности, деньги кладут, так что я опосля докупаю. Охотничьи вот запустила совсем, ну да и к лучшему, не хочу чтобы зверье мое стреляли, волкам и так впритык хватает, увеличилось поголовье волчьей стаи в последние годы... много чего увеличилось в этом лесу за последние годы, сегодня вот и лес ко всему прочему увеличился.

Собравшись, я надела плащ, взяла корзинку с едой, клюку подхватила, и попыталась набросить на себя иллюзию... Вот именно, что попыталась! На руку свою посмотрела - тонкую, с белым запястьем, на пальцы с ногтями коротко стриженными, снова магию призвала... А она возьми, да и утеки! Вся, как есть! Вот только что была между пальцами, а тут оп - нет ее! Ни капли! Ничегошеньки! Вообще ничего!

Оторопело на руки уставилась, еще более оторопело в зеркало... да так и застыла. Потому что ведьму наколдовать я наколдовала. Хорошо так наколдовала. Так что и морда вся зеленая, и нос ого-го, и бородавка на носу с поганку размером, и зубы желтые редкие страшные, и подбородок острый, и все как полагается... одна проблема – плечи широкия, руки на груди сложились мраченько, выражение наколдованной морды – зверское.

– Ой, – только и сказала я, глядя на своего оведьмившегося охранябушку.

– Хорош? – издевательски спросил он.

– Да загляденье просто, – мгновенно соврала я.

И взмахнула рукой, убирая иллюзию. Хорошо, что на нем убирала – на нем сработало.

– Ты всю мою магию поглощаешь, – заметила, раздражено направившись за маской и перчатками.

Не люблю я их, с иллюзией лучше, ну да как есть, так есть.

– Сидеть дома, отсыпаться, ничего не строить! – скомандовала я охранябушке напоследок.

– Серьезно? – насмешливо спросил он. – Ведьма, ты на моих глазах уничтожила амулет подавления силы воли.

Удивленно моргнула, вопросительно посмотрела на мага.

Маг, рывком поднимаясь, пояснил:

– Меня здесь больше ничего не держит!

– Ааа, – догадливо протянула я. Пожала плечами и посоветовала: – Еды возьми на дорогу. И у меня там шкаф за печкой – в нем где-то было несколько мужских

рубашек и штанов, тоже возьми. Бывай, охранябушка.

И развернувшись, я, подхватив корзинку, вышла на двор.

За закрытой дверью, когда я уходила, хранилось тяжелое молчание. То ли осознал, что с печатью деваться ему некуда, то ли раздумывал, что с собой взять в дорогу. В любом случае – это Заповедный лес, насилу тут никого не держат. Лесная сила правда вмешаться может, но делает она это редко, да и в целом, вряд ли потребует кого-то конкретного для продолжения рода избрать, ну и вообще – там видно будет.

С этими мыслями я ударила клюкой оземь, открывая тайную тропу, и шагнула к рыбацким домикам.

Жена Саврана поселилась в первом из трех домов, оттуда доносился надрывный детский плач, а на ступеньках сидел грустный мальчик лет семи. При виде меня мальчик на секунду застыл, а затем поднялся, спустился с лестницы, и низко склонился до земли.

– Здравствуй, матушка ведунья лесная, – подражая голосам и манерам взрослых, уважительно сказал он.

– И тебе не хворать, – весело, девичьим голосом отозвалась я.

И с огорчением поняла – амулет, меняющий голос, дома забыла. Вот же напасть какая. Малыш не поднимаясь полностью, удивленно на меня глянул – но нет, перед глазами его была все та же старушка с жутким носом и поганками на плаще. Глазам ребенок явно доверял больше, чем ушам.

– Идем, – стараясь сделать голос старчески дребезжащим, сказала я, – с маменькой поздороваемся.

А малыш вдруг возьми да и скажи:

– Не до нас мамке сейчас, Митятка гибнет.

И на лестницу я взбежала, даже клюку позабыв – та не обиделась, поскакала дальше. А я вбежала в лавочку рыбацкую, глянула на девочку лет четырех, держащую таз с холодной водой, бледную, дрожащую, и только потом, на вздрогнувшую при моем появлении жену Саврана – малыша она обтирала холодной водой, умница, от того и орал он. Но даже с порога видно было – жар не спадает.

– Умная ты мать, жена Саврана, – с порога начала я, торопливо сдергивая перчатки с когтями и фальшивой зеленой кожей.

– Матушка ведьма лесная... – только и прошептала я.

А вот девочка с огромными зелеными глазами проследила за падением моих рук ложных на пол, и не ведаю, как миску то с водой удержала. Позади меня в избу вошел мальчик.

– Сестру покорми, – сказала я, указав ему на корзину, которую тоже клюка подхватила. Говорю же – замечательная клюка у меня.

А сама, торопливо к ребенку направилась. Жена Саврана поднялась, уступая мне место и я, сев на краю постели, осторожно приложила ладонь к горячей, дьявольски горячей головке. От чего жар такой? Слишком сильный жар для дитя, слишком сильный для нервного потрясения, что пережил, а в остальном – здоровый малыш был, шести месяцев от роду, крепкий. С чем же организм его сейчас боролся так отчаянно пытаюсь выжечь заразу?!

– Не болел ведь, – смещая руку на грудь затихшего при виде моей жуткой маски ребенка, сказала я.

– Нет, не хворал, – подтвердила жена Саврана.

Я кивнула, принимая ответ, и спустила руку ниже – на животик. Спустила, да и вздрогнула – яд там был. Яд!

– Не своим молоком вчера накормила, да? – уже зная ответ, спросила я.

И ответ зная, и что молоко то не только дитяtko пило – то-то слишком бледным мне старший савранов сын показался...

– Подойди, наклонись, – приказала я женщине.

Та приблизилась осторожно, поклонилась, я ловко ладонь на ее лбу разместила – жар. Пока не явный.

– И ты молоко то тоже пила, – очень тихо сказала я.

Жена Саврана выпрямилась да и стала белая, как саван. Что ж, до савана их всех один шаг и отделял.

Женщина пошатнулась, опустилась на пол обессилено, и прошептала бледными губами:

– Свекровь-матушка принесла поутру. Сказала молоко в священном храме благословенное, от всех хворей и невзгод поможет...

Значит нет у Саврана больше ни матери, ни отца-кузнеца... Жаль, хорошие люди были. Очень жаль, да печалиться времени нет, нужно живых спасать.

Я клюку к себе поманила, а едва прискакала та, тихо приказала:

– Лешего позови.

Она кивнула и поскакала приказ выполнять. Не то чтоб я сама лешего позвать не могла, но далеко сюда идти, пока явится долго будет, а клюка ему сходу заповедную тропу откроет.

Дети на волшебство смотрели со смесью живого интереса и благоговения, а вот жена Саврана глядела только на меня. В глазах ее дрожали слезы, губы были белыми как у мертвеца, а спросить она боялась. Понимаю, о таком спрашивать страшно. Говорить страшно тоже, но я сказала:

– Тебя и старших спасу, а Митяя... не знаю.

Опустив голову и едва не взыв, женщина вдруг отчаянно попросила:

- Детей, детей спаси сначала!

Укоризненно поглядев на нее, спросила:

- Совсем сдурела? Ну спасу я детей, а кто о них позаботится? Детям мать нужна.

Женщина сникла. А затем тихо, едва едва слышно, словно ветер донес издали, прошептала:

- А Савран?

- Коли вернется в Заповедный лес пуцу, из Заповедного леса куда нужно выведу... я не бог, женщина, - так же тихо ответила ей.

- Уля, - поправила она.

- Я не бог, Ульяна, - приняла своеобразное знакомство, и закрыла глаза, осторожно вторгаясь в тело ребенка.

Яд был в нем. Окрасил мертвым цветом стенки крошечного желудка, пытался прорваться в кровь, но кровь горела, организм старался сжечь заразу из последних сил. А сил тут требовалось... А примерно столько же, сколько и когда границы леса расширяла. Тут оно как - лес, это жизнь, и тут вот тоже жизнь...

Дверь распахнулась слишком резко - леший так не приходит. Не он и пришел - уверенную поступь охранябушки я различила, даже головы не поворачивая.

И когда он, пройдя в дом, поставил на пол деревянное ведро с ключевой лесной водой, лишь спросила насмешливо:

- Что, рубашки не нашел? Али по ночи в путь снаряжаться страшнова-то?

- А я теперь свободный человек, ведьма, хожу там где вздумаю. Рубашки нашел, спасибо.

Даже отвечать не стала – мои силы сейчас на ребенка шли, помочь смогу или не сумею – время покажет, но прежде чем за мать его браться и сестру с братом, хотя бы боль снять, да жар снизить немного – силы ребенку еще потребуются.

Архимаг постоял рядом, постоял, да и не выдержало сердце любопытное:

– Что с ребенком? Почему леший мне ведро отдал, а сам в лес кинулся?!

Тут уж я удивилась.

Держа ладонь на животике младенца, повернула голову, удивленно на мага поглядела, тот ответил напряженным взглядом синих глаз.

А в следующее мгновение видеть охранябушку я перестала, взглянув на лес глазами Ворона.

Птица сидела на верхушке самого высокого в лесу Мудрого Дуба, показывала мне, как вдали, в той части, где маги и Славастена на лес мой заповедный посягали – горит он. Лес мой! Заповедный! То-то леший ведро магу всунул, а сам помчался деревья спасать, как-никак его вотчина.

– Ведьма, в чем дело? – раздался голос мага и меня тряхнули за плечо.

Мотнула головой, намекая, что слышу отлично, орать на ухо не надо, и позвала чащу. Заповедная не дремала от слова вообще никак, и ныне, под отвлекающий маневр своего псевдо-горения, кралась под землей, собираясь атаковать находящихся в неведении и абсолютно уверенных, что уничтожили зловерные насаждения магов.

И все бы ничего, но едва чаща нанесет удар, магию и силу для рывка она возьмет у меня!

И распахнув глаза, я, одну руку держа на ребенке, вторую протянула над ведром с ключевой водой и торопливо, быстро, вливая свою силу, сколько могла, начала читать заговор.

«Здравствуй при встрече,

Здравствуй при прощании,

Здравствуй в разлуке,

Здравием обернись возвращение».

Чаша ударила, когда я произносила последние звуки. Ударила лихо и радостно, со всем торжеством почуявшего крови хищника, вырвавшись из-под земли коснулась ног магов безобидными ростками и в стремительном росте оборачиваясь лианами, сплошь усеянными острыми шипами. И меня скрутило так, что не продохнуть ни выдохнуть, на чем сила держалась – не ведаю.

– Ведьма, что ж ты... – встревожился архимаг, едва я на пол на одно колено рухнула.

На оба не могла, если отпущу ребенка – погибнет.

Вот только и чашу звать, когда на младенце руку держу не самое верное дело – чаша у меня детей любит. В прямом смысле. Жуткой материнской любовью. Этой только волю дай – так заберет себе и вырастит, причем и молоком поить будет, и растить, и даже баловать. И не отдает. Пока дите не вырастит, вообще отдавать отказывается! Меня поначалу тоже все пыталась, да и сейчас... недалеко ушла.

Но делать нечего.

«Стой!» – взмолилась я, призывая чашу.

Зловредина остановилась, оглянулась на меня, словно бы через плечо на букашку мелкую и тут засекала дитячко! В следующее мгновение смола с огнем, успешно имитирующая горение чащи, перекинулась на магов, которым и так приходилось не сладко, в том смысле, что вообще неприятно, когда по тебе растут лианы с шипами, а заповедная мгновенно оказалась тут.

И в единый миг над кроваткой склонилась условно обнаженная девушка. Очень условная девушка, потому что сплетенная из ивовых прутьев и покрытая листочками чаша в принципе девушку напоминала разве что изгибами. И вот это чудище, восторженно приоткрыв условно губы, склонилась над младенцем.

- Так, вот давай без этого! - потребовала я. - У него вообще мать есть!

Зловредина дернула плечом, демонстрируя все, что думает об этой матери, и протянула загребущие ручонки к младенцу.

Вообще исстари лесные ведуны и ведуньи получались именно так - чаща подбирала брошенных в голодные годы младенцев, растила их, отдавая все тепло своей истинно женской материнской души, и вырастали ведуны как бы на грани миров - лесного и человеческого. Но голодные годы миновали, детей более в лес на смерть никто не выбрасывал вот уже много лет, вот чаща и тосковала, а потому оберегала вообще всех детенышей - то и дело периодически приходилось отбирать у нее оленят, медвежат, волчат, зайчат, а в последнее время даже птицы прилетали жаловаться.

- Не смей! - приказала я чаще.

Та выпрямилась, витые ивовые руки на груди сложила и с вызовом в пустых глазницах посмотрела на меня. Намекая на очевидное - а почему бы и нет?!

- У этого ребенка есть мать, - повторила я очевидное.

Чаща в ярости топнула ногой, не желая соглашаться с этим очевидным. Постояла, зло сузившими глазницами взирая на меня, и вдруг хлопнула себя ладонью по лбу, словно вспомнила о чем-то, запрыгала радостно, указала на меня, на стоявшего в некотором оцепенении мага, сложила ладони вместе недвусмысленным жестом, даже подвигала, имитируя явно зачатие, после чего обрисовала живот на себе, указала на меня - ну чтобы если кто не понял, обозначила что речь о моем животе, и радостно запрыгала снова.

Даже у меня челюсть отвисла, что уж об остальных говорить.

- Господи помоги, - прошептала жена Саврана, и добавила, - мужику.

«Мужик» промолчал, но выражение лица у охранябушки стало непередаваемым, а вот мальчик проявив удивительную для его лет осведомленность, со вздохом произнес:

- Да, не повезло вам, уважаемый.

Архимаг очень выразительно посмотрел на меня.

А я поняла две очень важные вещи: первая - Лесная сила сплетница, и вторая - я попала. Еще я поняла, что очень зря давала чаще на почитать книгу о человеческой анатомии... дочиталась. И главное не возразишь же никак.

- Хорошо, если забеременею, так и быть возьму в няньки, - сдалась я.

Зловреднючая чаша, даром что заповедная, радостно запрыгала, с разбегу обняла оторопевшего архимага и вымелась из избы и далее проводить наказательно-обучающие мероприятия.

Когда за ней дверь захлопнулась, охраняяб очень тихо произнес:

- Ведьма, а ты не могла бы...

- Чего не могу, того не могу! - сходу сделала я заявление.

И выдохнула с облегчением, едва появился леший.

- Ребенка возьми и пои водой ключевой, - приказала я.

Леший тяжелой громоздкой массой ввалился в избу, и сменил меня на посту удержания одновременно разных степеней контроля.

- Ребенка мог поить и я, - произнес вдруг архимаг.

- Не мог, - возразила, тяжело поднимаясь, - нет в тебе магии.

И встав над ведром с водой, я простерла над ним уже обе ладони и зашептала:

«По небу ветрами,

По земле ногами,

По ночи светом,

Дождем летом.

Вдохом полным,

Выдохом легким,

Криком рождения,

Счастьем свечения...»

И вода в ведре начала светиться легким зеленовато-бирюзовым сиянием. На самом деле страшные вещи творю – сплетаю воедино магию ведьм и магию леса, за такое меня бы с первого курса вышвырнули не глядя, но суровые времена требовали суровых решений.

– Начинай, – приказала я лешему.

И из ведра потянулся первый ручеек, маленький, чуть ли не каплями, в сторону ребенка. Я не следила – знала, что леший контролирует, чтобы каждая капелька попала в рот малыша. И продолжила, используя исключительно ведьминское заклинание:

«Ассарда кеанар,

Аруна аргевар,

Дейшар нэквахар,

Дайсун аграхар!»

И ведро забурлило, вода в нем практически вскипела от магии, а я приказала жене Саврана:

- Подойди, встань на колени между мной и водой.

И едва женщина заняла нужное место, приказала:

- Пей.

Я видела слезы в ее глазах, видела мольбу. Она словно вся, всем телом просила «Детей, детей сначала!». Но я не могла. Первой следовало спасти мать.

- Пей! – приказала повторно, притянув магией притянув кружку и швырнув ее на руки женщине.

И она начала пить. Захлебываясь слезами и рыданиями, пить, стараясь не смотреть на детей. А мне оставалось лишь следить, чтобы скверна, сейчас черным пятном пожирившая ее желудок, была уничтожена... одна проблема – скверна уходить не желала.

Кружка, кружка, еще кружка, и еще...

Женщина уже едва ли могла пить, но каждый раз я, стараясь не смотреть на то, сколько воды осталось в ведре, повторяла:

- Еще.

Она пила. Но глупой жена Саврана не была, и видела как все меньше и меньше воды остается в ведре. Видела и понимала – ее детям практически ничего не останется.

- Я могу еще воды принести, – тихо сказал мне подошедший архимаг.

- Да и леший бы мог, вот только у меня на большее количество сил не хватит. Это ведро рассчитано конкретно под мои возможности, – хрипло ответила ему.

Женщина вздрогнула услышав это, подняла на меня заплаканные глаза, но мой приказ был неизменен:

- Пей.

Тьма покинула ее тело, когда от ведра оставалось меньше четверти.

- Все, - сказала я.

И женщина метнулась на улицу - вода волшебная, пока пьешь не ощущаешь, а как волшба схлынет... Рвало жену Саврана знатно, но никто из нас на такие мелочи внимания не обратил.

- Мальчик, - позвала я.

Сын Саврана насупился, он был смышленным мальчиком, все уже понял, и даже решение принял, сказав:

- Пусть Луняша первая.

У четырехлетней девочки шансов выжить было меньше... но я просто не могла об этом сказать.

- Или пьешь, или я тебя вместе с Луняшей в котел засуну, сварю и съем! - прорычала я.

Но мальчик стоял, и тогда я добавила:

- Луняшу съем первую!

Не знаю, подействовало бы это или нет, но тут вмешался архимаг. Он подошел к мальчику, присел перед ним, и сказал как взрослому:

- Луняша и твой братик маленькие, яд в них распространился сильнее, поэтому после исцеления им понадобится помощь. Ты помочь сможешь, а Луняша?

Мальчик судорожно вздохнул, прогоняя детские слезы, для которых считал себя слишком взрослым видимо, и сказал:

- Хорошо.

- Пей быстро, чем быстрее – тем меньше воды понадобится, – солгал ему маг.

Надо будет запомнить на будущее, что когда у него вот такое выражение лица – охранябушка врет, причем врет нагло и уверенно. Но естественно я лишь на миг обернулась – мне для дела нужно было, чтобы сын Саврана пил, он и принялся. И каково же было мое удивление, когдахватило всего половины кружки.

- Стой, – тихо сказала, вглядываясь в ребенка.

Скверну смыло даже таким количеством воды. Сколько он выпил – глоток, два?

- Молоко ты не выпил, да? – осторожно спросила у мальчика.

Мальчик опустил взгляд на мгновение, затем кивнул головой на стоящего рядом мага, и выдохнул:

- Нет. Ему оставил. Чтобы не хворал.

Вот так вот!

Искоса взглянув на охраняба, подумала, что так стыдно ему, наверное, еще никогда не было. Просто вот врешь и врешь в лицо ребенку, а он, оказывается, тебя помнит еще рабом и вообще тогда спасти хотел.

- Гхм, – прочистил горло архимаг.

- А ведь говорили тебе в детстве – врать плохо, – наставительно поиздевалась я.

Маг метнул на меня злой взгляд, и пошел за Луняшей. Девочка все это время сидела на стуле, сжавшись и, кажется, даже не шевелясь – только испуганные глазенки моргали. Луня не сопротивлялась, когда мужчина подхватил ее на руки, и когда поднес к ведру, но едва наполнил кружку и подал ей, девочка замотала головой отрицательно, отступила на шаг и ротик ладошками прикрыла.

- Пей! – сурово по-мужски сказал ей брат. – Пей, мамка без тебя жить не захочет.

Ох, солнышко, ваша мама без никого из вас жить не захочет – с грустью подумала я.

И пользуясь тем, что жена Саврана все еще была на дворе, сняла с головы шапку ведьмовскую, и маску зеленую, улыбнулась девочке и спросила:

- Хочешь стать красивой прекрасивой?

Малышка удивленно моргнула.

- Вот я раньше была страшная престрашная, а потом выпила воды волшебной и вот! – я гордо поправила волосы.

- Нечесаная, – убрав ладошки от ротика, заметила малышка.

Замечательная какая малышка... все замечает.

- Так, а расческа сломалась, – соврала я.

Маг многозначительно хмыкнул, намекая, что не один он тут детям нагло врет.

- Так я свою дам! – всполошилась Луняша. – У меня гребень костяной, папка из заморской страны привез! Все-все расчесывает! Тебе поможет!

Теперь стыдно стало мне, да.

- Договорились, – шмыгнула носом расчувствовавшись, – а теперь пей давай.

На Луняшу ушло две кружки. В итоге воды в ведре оставалось совсем на дне, когда я повернулась к ребенку. И чуть не выругалась. Матом.

Потому что поил дите не леший, поила Чаща, которая за громадой лешего вполне успешно пряталась, и сейчас вливала в ребенка не только эту ключевую воду, но и молоко! И где только надоить успела?!

Причем заметив, что я ее засекала, Чаща моментом спряталась за лешего и, теперь не отсвечивала от слова вообще совсем никак – не выдавая себя ни единым листочком.

– Молоко откуда? – прошипела я, едва архимаг вынес Луняшку на двор, а мальчик убежал за ними – малышку мутило и я точно знала, что будет ее еще и тошнить.

Чаща осторожно выглянула, протянула руку и от нее ко мне мгновенно выросла лиана, коснулась моей щеки и передала зрелище: «Орущая баба, окосевшая коза, и убегающая в лес с кринкой молока голозадая Чаща».

– Могла бы и прикрыться! – заметила я.

Чаща удивленно на меня уставилась, мол «а что такого, все так ходят».

– Ну я не хожу! – возмутилась я.

Безразлично пожав плечами, моя заповедная зловередина вернулась к попыткам отбить чужого ребенка. Есть такая фраза «могила исправит», так вот – в отношении Чащи эта истина не работает!

– Леший, просто убери ее отсюда, – попросила я, напяливая маску обратно.

Потому что потом сил на это не будет.

Заповедная попыталась было ерепениться, но леший молча поднял ее на руки, молча понес к двери и так же молча передал на руки пытавшемуся войти архимагу. В следующий миг у мага сильно вытянулось лицо и я не могла винить его за это – у кого хочешь вытянется, если кто-то залезет к нему в штаны лианой, на предмет проверки осеменительных способностей.

– Можно я ее сожгу? – очень тихо спросил мужчина, к его чести стоически переносящий вторжение в свое интимное пространство.

– Нельзя, она бессмертная, – обрадовала я.

Архимаг развернулся и молча вышел. Леший закрыл дверь.

А я вздохнула и занялась ребенком.

Из избушки меня выносил леший. Как и всегда – перекинув через плечо и неся вниз бессильно болтающейся головой. Леший у меня вообще был свойский и никогда особо не церемонился, поэтому у меня и капюшон и шляпа были на завязочках с самого его появления в моем Заповедном лесу.

Нес меня леший как и всегда в лес под какую-нибудь сосну, под сосной я быстрее всего приходила в себя после осушения. А сейчас меня сила выпила досуха, я даже не имела сил сказать хоть что-то жене Саврана. К счастью и не пришлось – в доме возмущенно заорал уже совершенно здоровый младенец, и женщина поспешила к ребенку.

Это было последнее, что я видела.

К сожалению, не последнее, что услышала.

– Куда ты ее? Эй, с тобой говорят. Стоять!

И тут леший развернулся, да так что меня порывом ветра едва не снесло и прорычал:

– У-хо-ди! Беда от тебя, беда с тобой, беда за тобой!

И архимаг застыл.

А леший понес меня дальше в лес, отнес до сосны, уложил под нею, снял маску и перчатки, сел, как умеют только лешие, в позе пня замшелого, на меня посмотрел, вздохнул тяжело и мне не сказал ничего.

Я бы вот ему что-нибудь сказала бы с удовольствием, только не могла. Лежала, раскинув руки, и просила сосну поделиться силой со мной, моей-то не осталось. Сосна была старая и вредная, делиться не хотела и вообще послала бы

подальше, не сиди рядом со мной леший – ему не перечили. А то сегодня ты ему скажешь «нет», а завтра тебя дровосеки «случайно в самый центр Заповедного леса забредшие» срубят... Леший у меня он такой – случайно-мстительный.

– Зазря ты охраняба моего обидел, – сказала я, едва говорить смогла.

– Зазря ты его в лес привела, – ответила мне лесная нечисть.

– Так я привела, мне и обижать, – напомнила лешему.

Глазастый пень посмотрел на меня, вздохнул и не стал ничего больше говорить. Ни когда я почти заснула, ни когда подняли меня с земли знакомые руки, да и понесли в сторону дома.

«Пришли...» – донес до меня ветер.

«Две ловушки поставили», – добавил шелест листьев.

«Вино принесли, на пне разместили-и-и-и», – добавил, подвывая волк.

Я проснулась и села, открыла глаза. Через ткань, закрывающую меня от солнца, пробивались назойливые лучи, лес гудел и шумел – радостный, дневной, приготовившийся к новому развлечению, я лежала у себя во дворе перед избушкой, рядом, в кресле, которого у меня раньше не было, сидел мой раб, и с невозмутимым видом читал мой учебник по охранительной магии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.me/elena-zvyozdnaya/lesnaya-vedun-ya>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)